СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXIII, № 3.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГНѢДИЧЪ

(1784—1884)

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

КЪ СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНѢ ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ

СООБЩИЛЪ
П. ТИХАНОВЪ
ЧЛЕНЪ-КОРРЕСПОНДЕНТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12)
1884

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1884 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

По поводу столѣтней годовщины дня рожденія Николая Ивановича Гнѣдича (2-го февраля 1784 г.) Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, желая почтить память знаменитаго переводчика Иліады, одного изъ достойнѣйшихъ членовъ Россійской Академіи, съ особеннымъ удовольствіемъ воспользовалось возможностію напечатать нѣсколько до сихъ поръ неизвѣстныхъ матеріаловъ для его біографіи и оцѣнки его какъ литератора и человѣка. Благодаря счастливому случаю, значительное собраніе автографовъ и другихъ бумагъ Гнѣдича было пріобрѣтено знатокомъ драгоцѣнностей этого рода, Павломъ Никитичемъ Тихановымъ, который съ просвѣщенною готовностью сообщилъ ихъ Отдѣленію и, по порученію его, составилъ изъ нихъ издаваемое нынѣ извлеченіе.

Выражая ему искреннюю свою признательность, мы увѣрены, что къ намъ присоединятся въ этомъ чувствѣ всѣ интересующіеся исторіей отечественной литературы и почитатели поэта, котораго высоко цѣнили лучшіе изъ современныхъ ему русскихъ писателей и который никогда не утратитъ права на уваженіе потомства.

Я. Гротъ.

Январь 1884.

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ ГНѢДИЧА

ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Слишкомъ полвѣка назадъ скончался одинъ изъ видныхъ дѣятелей русскаго слова, честно послужившій ему и какъ поэтъ-писатель и еще болѣе какъ переводчикъ безсмертнаго Гомера.

Членъ Императорской Россійской Академіи, Николай Ивановичъ Гнѣдичъ родился въ Полтавѣ 1784 года 2 февраля. Свое первоначальное образованіе онъ получилъ въ Полтавской семинаріи, гдѣ оставался однако недолго, и затѣмъ поступилъ въ знаменитый Харьковскій коллегіумъ, устроенный въ 1727 году Бѣлгородскимъ епископомъ Епифаніемъ «по образу польскихъ іезуитскихъ». Здѣсь Гнѣдичъ пробылъ около семи лѣтъ (1793—1800), послѣ чего перешелъ въ Московскій университетъ.

Будучи ребенкомъ, Гнѣдичъ выказывалъ уже нѣкоторые проблески дарованія и на заданныя темы писалъ сочиненія въ стихахъ и прозѣ, недурныя для его возраста.

Вотъ, напримѣръ, его

РѢЧЬ ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ НА ПРАЗДНИКЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Нельзя подлинно живо изобразить той высочайшей милости Божіей, каковую благоволилъ Онъ излить на весь родъ человѣческій, низринувшійся, по паденіи перваго человѣка, въ пропасть грѣховнаго заблужденія. — Всѣ люди, будучи гонимы мечтою плотскихъ вожделѣній, слѣпо бродили по стропотнымъ стезямъ развратности, и таковымъ образомъ, удаляясь отъ Бога и забывая

Его, подпали всей строгости правосудія Его, стояли у дверей вѣчной гибели, и не могли никакимъ образомъ сыскать съ своей стороны средствъ, чтобы избавиться отъ таковаго несчастія, не могли, ибо всѣ до единаго были грѣшны; вся земля была наполнена беззаконіями и неправдами. Но Богъ, движимъ будучи неизреченнымъ милосердіемъ Своимъ, не восхотѣлъ погибнуть человѣкамъ, обѣщалъ имъ послать Избавителя, который бы стерлъ главу діявола и тѣмъ бы свободилъ ихъ отъ власти его и привелъ въ любовь Божію, обѣщалъ, и послалъ Единороднаго Сына своего, Который, принявъ на себя сію священную должность, пришелъ на землю и воплотился отъ преблагословенныя Дѣвы Маріи.

О, благости и милосердія Божія къ человѣкамъ грѣшникамъ! Для спасенія ихъ, не пощадѣлъ премилосердый Богъ Единороднаго Сына Своего, но послалъ Его въ міръ, да спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ.

Не должны ли убо сердца наши восхищаться радостію и веселіемъ, празднуя нынѣ благословенный день рожденія Сына Божія? Не должны ли мы купно въ праздновании онаго расположиться къ поздравленію другъ друга таковымъ счастіемъ нашимъ, и тѣмъ самымъ къ умноженію оной радости? — Я, исполняясь благоговѣнія и почтительности къ вамъ, N, въ восторгѣ духа поздравляю васъ (съ) симъ благополучіемъ нашимъ, поздравляю, и желаю, да новорожденный Сынъ Божій сохранитъ невредимо здравіе ваше, укрѣпляя васъ въ благихъ подвигахъ вашихъ.

Тутъ же рядомъ въ сохранившемся автографѣ помѣщены

СТИХИ НА ТОТЪ ЖЕ ПРАЗДНИКЪ.

Дней пріятныхъ нынь начало,
Паче солнечныхъ лучей,
Въ Вифліемѣ возсіяло,
Съ множествомъ благихъ вѣстей.

* * *

Гласъ тамъ ангельской музыки
Наполняетъ весь зефиръ,
Разумѣйте всѣ языки,
Слава Богу, вамъ днесь міръ.

* * *

О несчастной мы судьбинѣ,
Горькихъ слезъ не будемъ лить,
И печаль(ну) мысль всю нынѣ
Въ радость должны премѣнить.

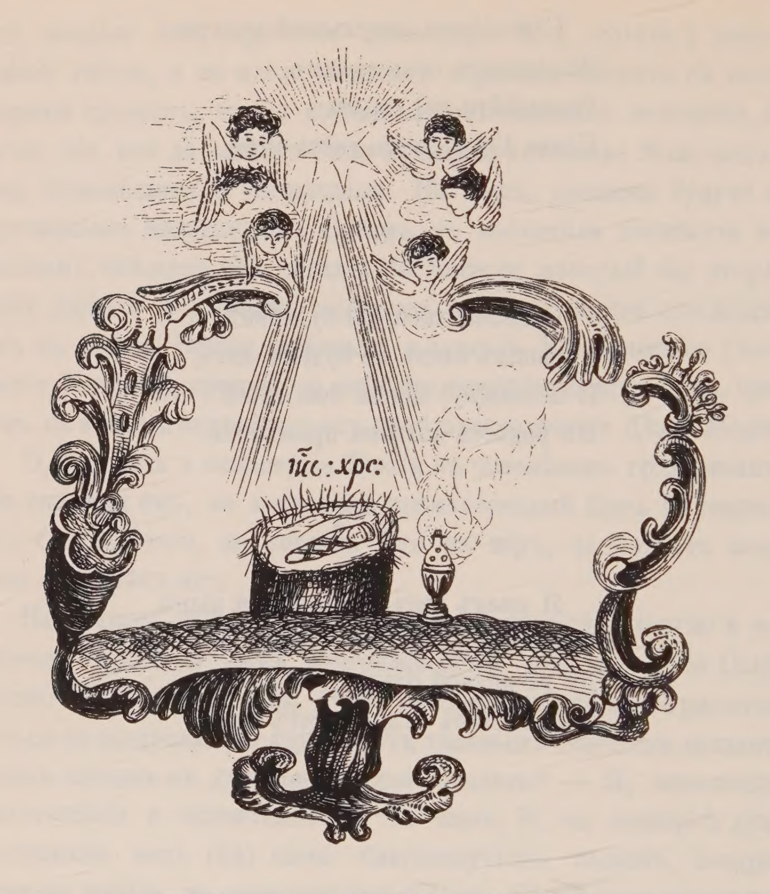
* * *

Я предъ васъ представши нынѣ,
Сей возношу веселъ гласъ,
Да во всякой благостынѣ
Божій Сынъ поддержытъ васъ.

Оба эти сочиненія—одни изъ самыхъ раннихъ, доселѣ извѣстныхъ, и относятся къ 1795 году.

Слѣдующая за симъ по времени «Рѣчь» сохранилась отъ 1798 года, содержаніе ея также религіознаго характера и, по всей вѣроятности, она сказана Гнѣдичемъ своимъ товарищамъ по окончаніи говѣнья.

Къ тому же раннему періоду относится еще нѣсколько юношескихъ произведеній: «Рѣчь на Воскресеніе Христово» и двѣ рѣчи на Рождество. Изъ этихъ послѣднихъ приведемъ здѣсь одну, написанную стихами, интересную еще и въ томъ отношеніи, что время ея приходится на рубежѣ двухъ вѣковъ, что́ и высказано юнымъ поэтомъ. Помѣщаемый въ главѣ стихотворенія рисунокъ сдѣланъ въ подлинникѣ и раскрашенъ рукою самого автора.

ПѢСНЬ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Осьмнадцатый уже се истекаетъ вѣкъ,
Какъ хвалится своимъ блаженствомъ человѣкъ;
Какъ сладостный покой, миръ, тишину вкушаетъ,
И кротку Вышняго десницу лобызаетъ;
Какъ паки въ новое пришелъ онъ бытіе,
Поправши ветхое грѣховно житіе.

Онъ, разумъ вѣрою имѣя просвѣщенный
И свѣтомъ истины святыя озаренный,
Зритъ землю новую, зритъ новы небеса.

Но кто устроивый толики чудеса?
Непостижимый Богъ, вселенныя зиждитель,
Благъ, кротокъ, милосердъ, всѣхъ грѣшниковъ Спаситель;
Спаситель грѣшниковъ — предвѣчный Божій Сынъ,
Безцѣнныхъ оныхъ благъ виновникъ есть единъ.

Онъ по любви своей къ созданью безконечной
Оставилъ солнцами украшенъ тронъ Свой вѣчной;
Оставилъ и снисшелъ съ превыспреннихъ небесъ;
Снисшелъ и мирныя оливы къ намъ принесъ.

О время! О часы! минуты драгоцѣнны,
Въ которыя пріялъ плоть прежде вѣкъ рожденный!
Померкнутъ звѣзды пусть и солнце и луна,
Пусть быстрыхъ крилъ своихъ лишатся времена,
Изсохнетъ океанъ, вселенна пусть увянетъ,
Но славить человѣкъ сего дня не престанетъ.

Насталъ онъ — и въ сердца проникъ всѣхъ новый свѣтъ;
Хвалу Всевышнему въ восторгѣ всякъ поетъ;
Любовью всякъ къ Нему сердечной пламенѣетъ
И ставъ предъ олтаремъ Его благоговѣетъ.
Согласно всѣ — ни полъ, ни возрастъ не коснитъ
Веселіе свое предъ другомъ другъ явить.
Что отрокъ, мужъ, старикъ устами изъясняетъ,
Младенецъ нѣжной то улыбкой изъявляетъ;
Воскликновеній вся исполнена земля.....

Дражайшій мой отецъ! — Сіи восторги зря,
Удержу ли себя я въ день сей свѣтозарный,
Чтобъ чувствій не явить тебѣ души преданной?
Умедлю ли уста я нынѣ разширить
И предъ тобой свою чувствительность явить?
Нѣтъ: истины законъ къ сему мя убѣждаетъ
И сердце и языкъ къ сему мой устрояетъ.

Но какъ я оную предъ вами изражу?
Иль чѣмъ обязанность свою вамъ докажу?
Что изобрѣсть въ залогъ преданности сердечной?
Сыновней къ вамъ любви обязанности вѣчной?
Сіе едино лишь возможно для меня: —
Къ вамъ глубочайшее почтенье я храня,
Желанья пламенны соединивъ съ мольбами,
Взываю къ небесамъ и сердцемъ и устами:
Всесильный Богъ, Творецъ тьмочисленныхъ міровъ,
Непостижимый Царь бытій, временъ, вѣковъ!
Будь моему отцу всегда ты Покровитель,
Будь дней его драгихъ Защитникъ и Хранитель,
Да въ счастьи подъ Тобой и имъ я буду жить
И возмогу къ Тебѣ ввѣкъ благодарнымъ быть.

По всей вѣроятности, Гнѣдичъ не прямо поступилъ въ университетъ изъ Харьковскаго коллегіума, а нѣкоторое время пробылъ въ Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ, на что указываетъ сохранившееся его школьное произведеніе, озаглавленное: «Взрослому воспитаннику Благороднаго при университетѣ пансіона, для всегдашняго памятованія». Сочиненіе это распадается на нѣсколько главъ: «Цѣль воспитанія» поставлена на первомъ планѣ.

«Главная цѣль истиннаго воспитанія есть та, чтобъ младыя отрасли человѣчества, возрастая въ цвѣтущемъ здравіи и силахъ тѣлесныхъ, получали необходимое просвѣщеніе и пріобрѣтали навыки добродѣтели, дабы достигши совершенно мужеской зрѣлости, принесть Отечеству, родителямъ, себѣ драгоцѣнные плоды правды, честности, благотвореній и неотъемлемаго счастія».

Въ послѣдующихъ главахъ подробнѣе развиваетсяо сновная мысль и разсматривается «Должность къ Богу, къ Государю и Отечеству, къ родителямъ и къ наставникамъ».

Изъ другихъ ученическихъ произведеній Гнѣдича сохранились его переводы съ французскаго языка, въ концѣ тетради помѣчен-

ные такимъ образомъ: «Je suis content de votre application à la langue françoise».

По свидѣтельству біографа, близко знавшаго поэта, Гнѣдичъ отличался пылкостію ума, добротою сердца, и былъ горячо любимъ товарищами, которыхъ увлекалъ своею пламенною любовію къ поэзіи. Въ свободное отъ ученія время, въ праздники и каникулы, онъ плѣнялъ ихъ одушевленнымъ, сильнымъ чтеніемъ писателей, особливо драматическихъ, былъ душою ихъ собраній, а за представленіе на университетскомъ театрѣ нѣкоторыхъ трагическихъ лицъ осыпаемъ бывалъ единодушными похвалами [1].

Сынъ небогатыхъ родителей (по смерти отца, Гнѣдичу досталось въ наслѣдство всего тридцать душъ, чтó даже по тогдашнему времени считалось средствами весьма ограниченными), молодой девятнадцатилѣтній студентъ мирно кончилъ бы свой университетскій курсъ, не вдаваясь въ водоворотъ столичной жизни, и затѣмъ такъ же мирно вступилъ бы на одно изъ поприщъ гражданской дѣятельности, въ часы досуга занимаясь литературой, къ чему Гнѣдичъ подавалъ надежды, какъ одно обстоятельство едва не измѣнило всей его будущности. То было время военной славы, и преимущественно русской военной доблести: имя Суворова у всѣхъ было на устахъ; въ продолженіе десятковъ лѣтъ военный геній владѣлъ умами, и не одной только молодежи. Позднѣе Гнѣдичъ занесъ въ свою «Записную Книжку» такую мысль, навѣянную ему Суворовымъ:

«Ни одинъ изъ знаменитыхъ людей, мнѣ современныхъ, не вселялъ въ меня столько разнообразныхъ чувствъ какъ Суворовъ. Я видѣлъ въ немъ идеалъ, какой составилъ себѣ о герояхъ; кромѣ этого, я находилъ въ немъ то, чего ни въ одномъ героѣ ни новыхъ, ни древнихъ вѣковъ—найти не можно. Занимаясь имъ, я наполняюсь глубокимъ удивленіемъ къ совершенному искусству полководца, почтеніемъ ко славѣ героя, плáчу при воспоминаніи доблестей великаго человѣка и помираю со смѣху отъ проказъ этого чудака!»

---

[1] Сынъ Отеч. 1842, XI (Біографія Гнѣдича, написанная Лобановымъ).

Понятно, что у Гнѣдича же могла вырваться такая сильная надпись ко гробу великаго полководца:

Ты ищешь монумента?...
Суворовъ здѣсь лежитъ.

Немудрено поэтому, что студентъ Гнѣдичъ также увлекся, почувствовавъ въ себѣ призваніе къ военной службѣ: повидимому онъ долго боролся, долго размышлялъ по этому поводу, и наконецъ рѣшился высказать о своемъ намѣреніи въ письмѣ къ отцу.

«Вамъ извѣстно» — писалъ Гнѣдичъ (къ сожалѣнію, даты на письмѣ не означено, но надо полагать, что оно относится къ послѣднему времени пребыванія Гнѣдича въ университетѣ)—

Вамъ извѣстно, что я достигаю полноты тѣлеснаго возраста, достигаю той точки жизни, того періода, въ который долженъ я благодарностію платить Отечеству. Благодарность ни въ чемъ иномъ не можетъ заключаться, какъ въ оказаніи услугъ Отечеству, какъ общей матери, пекущейся равно о своихъ дѣтяхъ. Желаніе вступить въ военную службу превратилось въ сильнѣйшую страсть. — Вы можетъ-быть скажете, что я не окончалъ наукъ. Но что воину нужно? Философія ли? Глубокія-ли какія науки или математическія познанія? — Нѣтъ: духъ силы и бодрости (Зачеркнуто: Признательно скажу вамъ, что охота къ ученію мало по малу угасаетъ). Вы можетъ-быть думаете, что я слабъ здоровьемъ, и считаете способнымъ вступить въ статскую службу. Нѣтъ, — я чувствую себя способнымъ лучше управлять оружіемъ, нежели перомъ. Природа чрезвычайно въ такомъ случаѣ мудра. Она кому даетъ желаніе къ чему нибудь, то даетъ и средства достигнуть желаемой цѣли. Скажу вамъ, что я рожденъ для подъятія оружія. Духъ бодрости кипитъ въ груди моей такъ пламенно, что я съ веселымъ духомъ готовъ послѣднюю каплю крови пролить за Отечество. Я не могу видѣть воина, не чувствуя нѣкоего сладостнаго удовольствія въ душѣ своей, того воина, объ коемъ говорятъ всѣ съ величайшею похвалою. Образъ героя Суворова живо напечатлѣнъ въ душѣ моей, я его боготворю. Жаль мнѣ прервать со-

юзъ съ музами, но гласъ Отечества зоветъ, и я долженъ стремиться со всею пылкостью вступить на то поприще жизни, по которому шествуя, надѣюсь оказать услуги Отечеству. Если протечетъ мнѣ 20 лѣтъ, духъ бодрости ослабнетъ, желаніе уменьшится. До 20 лѣтъ можетъ-быть я буду не безъ имени человѣкъ. Лучше несравненно для Отечества, полезнѣе для самого себя вступить въ тотъ родъ службы, къ которому кто чувствуетъ себя способнымъ, нежели перемѣнять свои склонности.

Многихъ природа одарила отличными дарованіями, дала имъ равно неутомимую дѣятельность и охоту отнимать у сна ночи, дабы блеснуть своими сочиненіями и собрать дань нелестной хвалы отъ народовъ. Многимъ дала силы къ понесенію оружія и не отняла желанія обогатить умъ свой многоразличными познаніями; но чрезъ что они снискиваются, если не чрезъ опыты? Гдѣ можно видѣть столько опытовъ, какъ не въ путешествіи? Можетъ-быть доведется мнѣ быть въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, увидѣть различныхъ народовъ, образъ ихъ правленія, образъ ихъ жизни, — и конечно, если судьба мнѣ поблагопріятствуетъ, я возвращусь съ большими опытами и познаніями. Вы скажете, что военная служба сопряжена съ величайшими трудностями. Правда, она много требуетъ труда и нерѣдко пожертвованія силъ; но что можетъ быть славнѣе и пріятнѣе, если не то, что мы преодолѣваемъ трудности и достигаемъ того, чего желаемъ?

Внимательными глазами разсматривалъ я всѣ роды службы. Всякая имѣетъ труды и награжденія, пожертвованія силъ и удовольствіе, — во всякой службѣ есть счастливцы и несчастливцы. Но военная служба, по мнѣнію моему, превосходитъ всѣ прочія. Славно, очень славно и любезно умереть на ратномъ полѣ при открытомъ небѣ. Правда, не меньше пріятно умереть въ своемъ мѣстѣ рожденія. Но судьба ничья не извѣстна. Нельзя жить въ свѣтѣ и не испытать несчастій. Не всегда свѣтитъ солнце, не всегда бываетъ майское утро. Теперь въ разсужденіи военной службы наступаетъ, можно сказать, майское утро. Въ гвар-

діи дана прежняя привилегія. Государь поступаетъ по сердцу Екатерины; теперь можно сыскать счастье. Дядюшка Семенъ Львовичъ здѣсь, онъ имѣетъ много знакомыхъ знатныхъ людей, и онъ мнѣ напоминалъ уже, что «пора, говорилъ онъ, служить тебѣ». Вы можете написать къ нему письмо, и онъ, я ручаюсь, постарается. И такъ, милостивый родитель, отриньте страхъ. Я уповаю на Бога и прошу Его, да дастъ мнѣ силы къ понесенію трудовъ. Позвольте мнѣ вступить въ военную службу при пріѣздѣ (Зачеркнуто: Е. И. В., котораго я самъ буду просить. Но вы скажете, что нѣтъ благодѣтелей: Богъ Всевышній Благотворитель: Онъ не оставитъ меня. Прошу со слезами, милостивый родитель, вашего отеческаго благословенія, которое будетъ началомъ и вѣнцомъ благополучія вашего в. с. слуги и сына.

Черновой набросокъ этого письма сохранился въ бумагахъ Гнѣдича.

Каковъ былъ отвѣтъ отца и какъ онъ принялъ это пылкое обращеніе къ нему юноши-сына — неизвѣстно, но съ достовѣрностью можно полагать, что отвѣтъ былъ далеко не благопріятенъ въ смыслѣ поступленія Гнѣдича въ военную службу, тѣмъ болѣе въ гвардію, которая всегда требовала особыхъ средствъ для поддержанія своего блеска, а жизнь въ столицѣ молодого гвардейскаго офицера конечно поглащала бы значительно больше того, что давали скромныя тридцать душъ какого-то степного помѣщика. Такимъ образомъ Гнѣдичъ долженъ былъ отказаться отъ своей мысли.

Выше мы видѣли, что Гнѣдичъ увлекался другою страстью и увлекалъ ею другихъ: то было чтеніе и декламація драматическихъ писателей. Эта любовь къ драматическимъ произведеніямъ, къ роду сильнѣйшему въ области поэзіи, болѣе другихъ удовлетворявшему возвышенную и пылкую его душу, была господствующею страстью и услаждала его въ теченіе всей жизни. Первыми опытами Гнѣдича въ прозѣ и стихахъ были переводы нѣкоторыхъ трагедій, и если для первыхъ опытовъ выбиралъ онъ не лучшее, его извиняетъ въ этомъ неопытность молодости [1].

---

[1] С. О. 1842, XI, 4.

Къ Иліадѣ, великому созданію генія, Гнѣдичъ питалъ любовь еще въ университетѣ; тамъ же онъ изучалъ греческій языкъ, начала котораго вѣроятно ему преподавали въ Харьковскомъ коллегіумѣ, но болѣе успѣвалъ въ немъ самъ собою, изучая греческихъ писателей и глубоко вникая въ каждый стихъ, въ каждый звукъ Иліады. Она была, говоритъ Лобановъ, собесѣдницею, сопутницею, услажденіемъ всей его жизни. Ни болѣзни, ни страданія не охладили въ немъ этой любви: Гомеръ былъ постояннымъ предметомъ пламенныхъ бесѣдъ его [1]. Къ переводу Иліады Гнѣдичъ приступилъ, однако, не вдругъ, и самый переводъ ея гекзаметромъ появился значительно позднѣе первыхъ его опытовъ въ этомъ родѣ.

Сначала онъ перевелъ нѣсколько пѣсней Иліады александрійскими стихами, и это обратило на него вниманіе. Поощряемый къ труду, Гнѣдичъ былъ неутомимъ въ своемъ дѣлѣ. Но умѣя чувствовать во всей силѣ красоты подлинника и желая передать его на отечественный языкъ съ строжайшею точностію, онъ сѣтовалъ, что александріііскій стихъ не представляетъ къ тому возможности, а Телемахида, говоритъ Лобановъ, — «какъ бы нѣкое страшилище, преграждала путь къ метрамъ Греціи» [2].

Несмотря на эти преграды, одинъ просвѣщенный ревнитель русской словесности, находя въ отдаленныхъ отрывкахъ нашей отечественной поэзіи всѣ оттѣнки систематической просодіи, убѣждалъ Гнѣдича, переведшаго, по настоянію его, нѣкоторыя мѣста изъ Гомера гекзаметромъ, продолжать этотъ трудъ. «Читающіе Гомера въ подлинникѣ, писалъ онъ къ нему, обрадуются, услыхавъ отголосокъ его безсмертныхъ пѣсней; нуждающимся въ переводѣ откроете вы наконецъ путь къ точному познанію красотъ древней словесности и языковъ классическихъ».

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ сужденій и состязаній, возникшихъ тогда объ этомъ предметѣ въ нашей словесности.

«Одна изъ величайшихъ красотъ греческой поэзіи (писалъ С. С. Уваровъ къ Гнѣдичу) есть богатое и систематическое ея стопосложеніе. Тутъ каждый родъ поэзіи имѣетъ свой размѣръ, и каждый размѣръ не только свои законы и правила, но, такъ сказать, свой геній и свой языкъ. Гекзаметръ (шестистопный

---

[1] Ibid.

[2] Ibid., 6.

героическій стихъ) предоставленъ эпопеѣ. Этотъ размѣръ весьма способенъ къ такому роду поэзіи. При величайшей ясности, онъ имѣетъ удивительное изобиліе въ оборотахъ, важную и плѣнительную гармонію. Гекзаметръ даетъ совершенное понятіе о выраженіи Горація: loqui ore rotundo. Всѣ эпическія поэмы Грековъ писаны этимъ размѣромъ».

Потомъ, сказавъ, что Римляне заимствовали всѣ метрическія формы у Грековъ и гекзаметръ присвоили себѣ лучше всѣхъ другихъ частей метрической ихъ системы, изложивъ стопосложеніе новѣйшихъ словесностей, не могшихъ, по бѣдности своей просодіи, присвоить себѣ метрическихъ формъ Греціи, и недостаточность александрійскаго стиха, который мы заимствовали у Французовъ, онъ продолжаетъ:

«Прилично ли намъ, Русскимъ, имѣющимъ, къ счастію, изобильный, метрическій, просодіею наполненный языкъ, слѣдовать столь слѣпому предразсудку? Прилично ли намъ, имѣющимъ въ языкѣ эти превосходныя качества, заимствовать у иноземцевъ бѣднѣйшую часть языка ихъ, просодію, совершенно намъ несвойственную?.. Возможно ли узнать гекзаметръ Гомера, когда, сжавши его въ александрійскій стихъ и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размѣръ, оборотъ, расположеніе словъ, эпитеты, однимъ словомъ все, что составляетъ красоту подлинника? Когда вмѣсто плавнаго, величественнаго гекзаметра, я слышу скудный и сухой александрійскій стихъ, риѳмою прикрашенный, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во французскомъ платьѣ».

Гнѣдичъ, при письмѣ къ С. С. Уварову, представилъ въ Бесѣду любителей русскаго слова, на сужденіе, шестую пѣснь Иліады, переведенную гекзаметромъ.

Просвѣщеннѣйшие изъ писателей, слуху которыхъ не чужды были звуки лиры Гомеровой, одобрили трудъ переводчика; но многіе были противнаго мнѣнія.

В. В. Капнистъ, незнакомый съ классическою древностью и введенный въ заблужденіе о метрахъ греческихъ, какъ кажется, статьею аббата Маллэ, помѣщенною въ новомъ изданіи Французской Энциклопедіи, письмомъ къ С. С. Уварову усиливался доказать, что гекзаметръ въ русской словесности не можетъ существовать, потому что онъ непремѣнно долженъ оканчиваться спондеемъ; онъ даже сомнѣвался и въ существенной пріятности гекза-

метровъ Гомеровыхъ, и предлагалъ перевести Гомера размѣромъ простонародной пѣсни:

«Какъ бывало у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ».

Но всѣ его возраженія и доказательства были опровергнуты просвѣщеннымъ его состязателемъ, доказавшимъ, что большая часть стиховъ Гомеровыхъ кончается хореемъ, и развившимъ превосходство гекзаметра слѣдующими строками:

«Древніе думали — замѣчаетъ Уваровъ — что одинъ только гекзаметръ можетъ соотвѣтствовать неопредѣлительному продолженію эпическаго творенія. Сама природа, говоритъ Аристотель, это показываетъ, и вѣковое испытаніе удостовѣряетъ насъ въ этой истинѣ. Героическій размѣръ украшается совершеннѣйшимъ равновѣсіемъ всѣхъ частей стиха: гекзаметръ не подымается и не падаетъ; онъ изгибается, течетъ тихо, но безъ прыжковъ; свободно, но въ строгихъ границахъ. Ему предоставлено обращаться отъ быстроты къ медленности, отъ силы къ мягкости; и всѣ оттѣнки, между сими противуположностями заключенные, вмѣщаются въ стопосложеніи гекзаметра; онъ одинъ, какъ и эпическая поэзія вообще, можетъ изображать всѣ предметы, и разнообразіе его умножается всѣми возможными измѣненіями въ сложеніи и цезурѣ. Однимъ словомъ, вся древность, почитая гекзаметръ совершеннѣйшимъ стопосложеніемъ, ставила его на высшую степень въ метрической системѣ Грековъ».

О переводѣ древнихъ, именно о предполагаемомъ В. В. Капнистомъ переводѣ Гомера русскимъ народнымъ размѣромъ, Уваровъ говоритъ слѣдующее:

«Не въ томъ дѣло состоитъ, чтобъ написать поэму съ поэмы, или чтобъ сохранить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ Гомера, или всѣхъ древнихъ вообще, надъ нѣсколькими только читателями. Мы должны стараться утвердить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ ихъ надо всѣми просвѣщенными умами: слѣдственно представить отлѣпокъ творенія Гомерова въ духѣ оригинала, съ его формами и со всѣми оттѣнками, такимъ образомъ, чтобъ мы имѣли предъ глазами не Кострова, не Гнѣдича, но Гомера, — Гомера въ чистѣйшемъ созерцаніи природной его красоты, Гомера въ томъ видѣ, въ какомъ онъ плѣнялъ законодателя Спарты, побѣдителя Азіи, александрійскихъ мудрецовъ и весь, однимъ словомъ, блистательный рядъ его любителей въ

древнемъ и новомъ мірѣ... Но чтобъ достигнуть этой цѣли, необходимо нужно признать первымъ правиломъ, что формы въ поэзіи неразлучны съ духомъ; что между формами и духомъ поэзіи находится та же самая таинственная связь, какъ между тѣломъ и душою; что обоюдное ихъ вліяніе и дѣйствіе — формы на мысль, а мысли на форму — такъ тѣсны, что никакъ нельзя опредѣлить истинныхъ границъ ихъ, а еще менѣе расторгнуть ихъ союзъ, не жертвуя тою или другою... Кто не чувствуетъ изящности стопосложенія Гомера, Эсхила, Ѳеокрита, Анакреона, тотъ теряетъ половину ихъ красотъ».

Слѣдствіемъ этихъ сужденій и ученыхъ состязаній, важныхъ въ отношеніи къ русской словесности, была непоколебимая рѣшимость Гнѣдича перевести Иліаду размѣромъ подлинника, который и Ломоносовъ почиталъ превосходнѣйшимъ, но которымъ, къ сожалѣнію, кромѣ четырехъ стиховъ, не написалъ ни одного цѣлаго стихотворенія и тѣмъ не усвоилъ его ранѣе русской словесности [1].

О причинахъ, заставившихъ Гнѣдича избрать гекзаметръ для перевода Иліады, самъ онъ такъ говоритъ въ предисловіи:

Для трудящихся въ какомъ бы то ни было родѣ искусства ничего нѣтъ печальнѣе, какъ видѣть, что трудъ свой можно сдѣлать лучше, и не имѣть къ тому способа. Таковы были мои чувствованія при переводѣ Иліады риѳмованномъ. Кончивъ шесть пѣсенъ, я убѣдился опытомъ, что переводъ Гомера, какъ я его разумѣю, въ стихахъ александрійскихъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ для меня; что остается для этого одинъ способъ, лучшій и вѣрнѣйшій — гекзаметръ. Плѣненный образомъ повѣствованія Гомерова, котораго прелесть нераздѣльна съ формою стиха, я началъ испытывать, нѣтъ ли возможности произвесть русскимъ гекзаметромъ впечатлѣнія, какое получалъ я, читая греческій. Люди образованные одобрили мой опытъ [2]; и вотъ что дало мнѣ смѣлость отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ.

---

[1] Сынъ Отеч., 1842, XI, стр. 6 — 9.

[2] И если кто либо изъ нихъ въ томъ раскаиваться долженъ, то, безъ сомнѣнія, первый С. С. Уваровъ. Краснорѣчивое письмо его объ гекзаметрахъ напечатано въ книжк. Бесѣды, 1813 года.

Говорю, смѣлость: ибо читателямъ извѣстно, чтó должно было вынести дерзнувшему изъ рукъ Геркулеса вырывать его палицу, а говоря проще, осмѣлившемуся бороться съ предразсудкомъ, и врагомъ еще упорнѣйшимъ — самолюбіемъ. Мы уступчивы въ мнѣніяхъ, которыя составляемъ сами, собственнымъ сужденіемъ; согласіе, даваемое добровольно, вознаграждаетъ наше самолюбіе. Но въ мнѣніяхъ, которыя намъ внушены, которыя приняты безъ разсужденія, такъ сказать, на вѣру, и которыя перемѣнить насъ заставляютъ—мы непреклонны: обидно обнаружить, что мы были въ невѣжахъ и судили безъ разумѣнія дѣла. Вотъ главная причина воплей старовѣровъ литературныхъ противъ гекзаметра. Читатель, можетъ-быть, помнитъ, какія познанія обнаружили они въ сужденіяхъ своихъ о гекзаметрѣ; иные жаловались даже, что стихъ сей трудно читать: такъ дѣти, плохо ученыя, съ трудомъ читаютъ книгу, по которой не учились. Но возрастетъ новое поколѣніе, котораго дѣтство будетъ образованнѣе нашей старости, и гекзаметръ покажется для него тѣмъ, чѣмъ онъ признанъ отъ всѣхъ народовъ просвѣщенныхъ — высшимъ соображеніемъ гармоніи поэтической. —

Впрочемъ, не стихъ, Телемахидою опозоренный, долженъ былъ устрашать меня при мысли о переводѣ Иліады. Вѣрный своему убѣжденію, что гекзаметръ и безъ спондеевъ имѣетъ въ языкѣ русскомъ обильныя стихіи для своего состава, я не смущался ни толками, ни пересудами. Но трудъ, въ которомъ все было для меня ново: стихъ, не имѣвшій образцовъ и который, каково бы ни было его достоинство, съ переводомъ поэмы чуженародной не могъ вдругъ сдѣлаться роднымъ, живымъ для слуха народа, и самая поэма, которой предметъ такъ отдаленъ отъ насъ, которой красоты такъ чужды, такъ незнакомы нашему вкусу, но въ которой между тѣмъ 17 т. стиховъ... Вотъ что должно было устрашать меня. — Часто думалъ я: стихъ, которымъ я внутренно горжусь, можетъ-быть исчезнетъ въ огромной поэмѣ; можетъ-быть, никто не обратитъ на него новаго вниманія послѣ того, какъ я прочелъ его съ чувствомъ удовольствія...

Но не хочу быть неблагодарнымъ: чистѣйшими удовольствіями въ жизни обязанъ я Гомеру; забывалъ труды, которые налагала на меня любовь къ нему, и почту себя счастливѣйшимъ,

если хотя искра огня небеснаго, въ его вѣчныхъ твореніяхъ горящаго, и мои труды одушевила [1].

Гнѣдичъ вышелъ съ честію изъ принятой на себя задачи и совершилъ трудъ поистинѣ гигантскій.

Впрочемъ, нѣкоторое какъ бы недовольство своимъ произведеніемъ Гнѣдичъ высказываетъ въ предисловіи къ Иліадѣ: «Позже, нежели бы могъ, и не въ томъ видѣ, какъ бы желалъ, издаю переводъ Иліады», говоритъ онъ. «Долговременная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ ранѣе напечатать его и присовокупить *Введеніе* и *Примѣчанія*»... Но это вовсе и не было нужно и не относилось къ кругу занятій переводчика, составляя особую отрасль науки, что дальше Гнѣдичъ и поясняетъ [2].

Съ какою тщательностью и до какихъ мелочей доходилъ онъ въ отдѣлкѣ стиха и, такъ сказать, въ передачѣ его на чистый русскій языкъ, показываетъ нѣсколько его записочекъ къ Лобанову, съ которымъ Гнѣдичъ былъ друженъ. Вотъ извлеченія изъ нихъ:

Буду благодаренъ, если вмѣсто *премогаетъ* есть у васъ на примѣтѣ иное слово, кромѣ *побѣждаетъ*, которое не годится, а нужно именно *перемогаетъ*, *пересиливаетъ*; также и вмѣсто жезловъ подарите чѣмъ-нибудь, кромѣ прутьевъ и вѣтвей, которые не годятся, ибо ими не проймешь осла. Можно только *палкой* замѣнить жезлъ.

А стихъ — «Острой влетаетъ стрѣлой» — слово въ слово: онъ диковатъ, но Гомеровъ, и онъ за него отвѣчаетъ.

Если погода не испортится, я хотѣлъ бы видѣть портретъ Карамзина...

---

1. А жена моя Анна вóлну прядяше (Прор. Товита, гл. 2, ст. 11).

---

[1] Иліада, изд. 1861, предисл., XX — XXII. О времени, предшествовавшемъ переводу Иліады и объ эпохѣ паденія у насъ псевдоклассицизма, см. Галаховъ: Исторія русск. литер., изд. 2, Спб., 1880, II, § 19 (стр. 272—292).

[2] Иліада, 1861, предисл., I, слѣд.

2. Дающаго снѣгъ свой яко вóлну (Псаломъ 147, ст. 5).

Такъ употребляетъ Библія и народъ, который въ языкѣ своемъ не потерпитъ двухъ разнозначущихъ словъ съ однимъ удареніемъ. Изъ этого изволите видѣть, что я не иду противъ общаго употребленія.

На это Лобановъ тутъ же отмѣчаетъ — подъ вторымъ пунктомъ: «Это винительный падежъ. Я пью вóду, а именительный однако же не *вóда*. Дýшу — душá.

А въ концѣ приписалъ: «Однакожъ терпитъ: Труба, коса, и проч. и проч.».

Виноватъ, καθολικός у однихъ церковныхъ писателей принимается, какъ переводитъ и лучшій лексикографъ Ріемеръ: rechtgläubig, lehrgerecht, то же что у насъ православный. Но у древнихъ оно значитъ: всеобщій, цѣлый.

Ἀγορήσατο, καὶ μετέειπεν —

Рѣчь говорилъ имъ, и молвилъ:

NB. Вездѣ переправить.

Это выраженіе: *Рѣчь говорилъ и молвилъ*—чистое народное русское. *Смотри*: Обрядъ утвержденія гетмана Богдана Хмельницкаго (Полн. Собр. Законовъ Россійск. Имп. Томъ I, стр. 319.—С.-Пб., 1830).

..... Въ первый разъ возвращена корректура въ тотъ же день. Все укоряли, что мои корректуры такъ трудны, что скорѣе можно набрать листъ вновь, нежели ее поправить. А теперь сами себѣ даютъ оплеухи за ложь явную! — Пожалуйста пробѣгите и скажите, кажется должно отставить *не*, карандашемъ означенныя и прежде пропущенныя? Стихъ 409 не яснѣе ли, какъ написано карандашемъ?»

Кромѣ опытовъ перевода Иліады александрійскими стихами, былъ еще переводъ ея, сдѣланный Гнѣдичемъ ямбами. Но на оберткѣ рукописи сдѣлана имъ помѣта:

«Иліада. Первые опыты перевода въ ямбахъ. Сжечь».

Двадцать лѣтъ трудился Гнѣдичъ надъ гекзаметрами Иліады. Признательная къ заслугамъ своего сочлена, Императорская Россійская Академія сдѣлала отличное изданіе сего творенія и предоставила его переводчику.

«Наконецъ вышелъ въ свѣтъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады»—писалъ Пушкинъ въ «Литературной Газетѣ» барона Дельвига. «Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, а люди пренебрегаютъ образцами величавой древности; когда Поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но только легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженіи и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы со временемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность».

Редакторъ «Литературной Газеты» съ своей стороны посвятилъ Гнѣдичу слѣдующее стихотвореніе:

Муза вчера мнѣ, Пѣвецъ, принесла за-коцитную новость:
Въ мрачный недавно Аидъ тѣнь Славянина пришла,
Тамъ, окруженная сонмомъ тѣней любопытныхъ, пропѣла
(Слушалъ и древній Омеръ) пѣснь Иліады твоей.
Старецъ нашъ, къ персямъ самосскаго юноши сладко приникнувъ,
Вскрикнулъ: «Вотъ пѣсня моя! Вотъ чего вѣки я ждалъ!»

«Однакожъ, замѣчаетъ Лобановъ, по превратному направленію словесности нашей, тогда уже начавшемуся, Иліада вообще не получила того хода и того общаго восторга, которыхъ она достойна и которыхъ долженъ былъ ожидать ея переводчикъ.

Не собравъ общихъ, заслуженныхъ рукоплесканій, не вполнѣ насладившись восторгами своихъ согражданъ, столь сладкими душамъ благороднымъ, Гнѣдичъ долго и мужественно носилъ въ груди своей тайное сѣтованіе, и наконецъ, какъ человѣкъ, не могъ скрыть его отъ искреннихъ друзей своихъ».

Это нравственное страданіе, «тайное сѣтованіе», о которомъ говоритъ Лобановъ, еще болѣе усугубляло физическіе недуги Гнѣдича, которымъ онъ былъ подверженъ чуть ли не съ дѣтства. Въ этомъ отношеніи чрезвычайный интересъ представляетъ скорбная, печальная автобіографія поэта, которую онъ озаглавилъ «Исторія моихъ болѣзней» [1].

Съ 1809 года Гнѣдичъ началъ хворать, и хотя по временамъ здоровье его болѣе или менѣе возстановлялось, но почти всегда требовало врачебной помощи. Въ 1825 году, по совѣту врачей, онъ ѣздилъ на кавказскія минеральныя воды, но возвратился съ бо́льшимъ разстройствомъ: къ прежнимъ болѣзнямъ присоединился катарръ въ груди. Въ 1826 году, въ августѣ мѣсяцѣ, врачи настояли, чтобы онъ пожилъ гдѣ-нибудь въ тепломъ краю, и онъ избралъ Одессу. Воздухъ юга и морскія тепловатыя ванны принесли ему великую пользу. Возвратившись оттуда въ 1828, онъ пользовался здоровьемъ значительно возстановленнымъ, и тогда-то занялся изданіемъ Иліады. Въ 1830 году всѣ прежніе припадки начали возобновляться и къ нимъ прибавилась еще боль въ горлѣ, начавшаяся на Кавказѣ и явно усиливавшаяся. Въ 1831-мъ врачи убѣдили его ѣхать въ Москву на искусственныя минеральныя воды. Была и отъ нихъ нѣкоторая польза, но временная: въ послѣдствіи боль въ горлѣ снова усилилась и довела его до страдальческаго состоянія. Болѣзнь его, едва ли постигнутая кѣмъ въ началѣ своемъ, упорно противилась всѣмъ усиліямъ врачебнаго искусства. «Особенную у меня раздражительность горла, говоритъ самъ Гнѣдичъ въ Запискѣ о своихъ болѣзняхъ, должно можетъ-быть приписать, между прочимъ, тѣмъ частымъ и необыкновеннымъ напряженіямъ его, какія я дѣлалъ, начавъ еще съъ 1807 года обрабатывать трагическія роли съ бывшею актрисою Семеновою. Трудъ сей требовалъ чрезмѣрныхъ

[1] Записка эта сохранилась въ черновомъ подлинникѣ и можетъ-быть появится въ одномъ изъ спеціальныхъ медицинскихъ журналовъ.

усилій и чувства и голоса; но я занимался имъ лѣтъ 18 постоянно и ревностно, ибо успѣхи блистательные вознаграждали за него. Голосъ мой, всегда гибкій и сильный, никогда не терпѣлъ отъ этого; грудь моя, съ молодости сильная и крѣпкая, хотя, можетъ быть, при такихъ трудахъ раздражалась до высочайшей степени, но никогда не страдала».

Это предположеніе Гнѣдича рѣшительно разгадано и объяснено наконецъ однимъ изъ врачей, пользовавшихъ его въ послѣднее время. Въ груди у него, отъ сильныхъ напряженій, за нѣсколько лѣтъ повредилась одна изъ артерій, которая и была тайною причиной раздражительности легкихъ и боли въ горлѣ. Въ южномъ, благопріятнѣйшемъ для человѣка климатѣ, по словамъ того же самаго врача, несмотря на эту болѣзнь, онъ могъ бы еще и долго жить, но здѣсь, въ Петербургѣ, грудь его не могла вынести непостоянства и суровости сѣвера[1].

Къ этому прибавилась еще одна болѣзнь, трудно поддающаяся лѣченію, что́ объявили Гнѣдичу врачи, приглашенные имъ на консиліумъ. Были, однако, предложены разныя средства, но Гнѣдичъ не послушался врачей, бросилъ лѣкарства и спокойно ожидалъ смерти.

Всегда, почти всю свою жизнь одинокій, Гнѣдичъ превосходно выразилъ это состояніе въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ни чьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ,
Прошелъ одинокъ его тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ;
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

---

[1] Сынъ Отеч. 1842, XI, стр. 29—30.

Кромѣ Иліады, Гнѣдичъ извѣстенъ другими своими поэтическими произведеніями, собраніе которыхъ впервые вышло въ 1832 году, незадолго до его кончины; второе изданіе стихотвореній Гнѣдича, вмѣстѣ съ баснями и сказками Хемницера, сдѣлано Смирдинымъ въ 1854 году. Въ этомъ послѣднемъ изданіи порядокъ пьесъ, за небольшими измѣненіями, остался тотъ же, что и въ первомъ: исключена лишь одна эпиграмма «Помѣщикъ Балабанъ»:

Помѣщикъ Балабанъ,
Благочестивый мужъ, Христу изъ угожденья,
Для нищихъ на селѣ построилъ Домъ призрѣнья,
И нищихъ для него надѣлалъ изъ крестьянъ.

Приводимъ здѣсь еще нѣсколько стихотвореній Гнѣдича, доселѣ неизвѣстныхъ: два изъ нихъ не могли быть напечатаны при жизни поэта, хотя и предназначались имъ для перваго изданія, какъ это можно ззключить по тому, что рукопись вырвана изъ тетради, носившей пагинацію (лл. 86—87) и цензорскую помѣту. Одно—пародія на Ѳеокритову идиллію, юморъ, въ которомъ Гнѣдичъ такъ иногда хорошъ, хотя пьесъ съ этимъ характеромъ оставлено имъ очень немного. Пародія называется «Циклопъ», и, по всей вѣроятности, поэтъ трунитъ надъ собою.

ЦИКЛОПЪ.

ПАРОДІЯ ИДИЛЛІИ ѲЕОКРИТА

(1813)

Ахъ, тошно, о Батюшковъ, жить на свѣтѣ влюбленнымъ!
Микстуры, тинктуры врачей, ничто не поможетъ;
Одно утѣшенье въ любви намъ пѣсни и Музы;
Утѣшно въ окошко глядѣть и пѣсни мурлыкать!
Ты самъ, о мой другъ, давно знакомъ съ сей утѣхой;
Ты бросилъ давно лѣкарей и къ Музамъ прибѣгнулъ.
Къ нимъ, къ нимъ прибѣгалъ Полифемъ, Циклопъ стародавній,
Какъ сдѣлался боленъ любовью къ младой Галатеѣ.
Былъ молодъ и веселъ Циклопъ, и вдругъ захирѣлъ онъ:
И мраченъ, и блѣденъ, и худъ, бороды онъ не брееть,

На кудри бумажекъ не ставитъ, волосъ не помадитъ;
Забылъ горемычный и церковь, къ обѣднѣ не ходитъ.
По цѣлымъ недѣлямъ сидитъ въ неметеной квартирѣ,
Сидитъ, и въ окошко глядитъ на народъ православный;
То ахнетъ, то охнетъ, бѣдняга, и все понапрасну;
Но стало полегче на сердцѣ, какъ къ Музамъ прибѣгнулъ.
Вотъ разъ, у окошка присѣвъ и на улицу смотря,
И кó рту приставивъ ладонь, затянулъ онъ уныво
На голосъ раскатистый: *Чѣмъ я тебя огорчила?...*
«Ахъ, чѣмъ огорчилъ я тебя, прекрасная Нимфа?
О ты, что барашковъ нѣжнѣй, рѣзвѣе козленковъ,
Бѣлѣе и слаще млека, но горше полыни!...
Ты ходишь у оконъ моихъ, а ко мнѣ не заглянешь;
Лишь зазришь меня, и бѣжишь какъ теленокъ отъ волка.
Когда на гостиномъ дворѣ покупала ты вѣеръ,
Тебя я узрѣлъ, поблѣднѣлъ, полюбилъ, о богиня!
Съ тѣхъ поръ и не ѣмъ и не сплю я, а ты и не тужишь:
Мнѣ плачъ, тебѣ смѣхъ!... Но я знаю, сударыня, знаю,
Что нé милъ тебѣ мой наморщенный лобъ одноглазый.
Но кто же богаче меня? Пью всякой день кофе,
Табакъ я съ алоемъ курю, ѣмъ щи не пустые;
Квартира моя, погляди ты, какъ полная чаша!
Есть кошка и моська, часы боевые съ кукушкой,
Хотя поизломанный столъ, но краснаго древа,
И зеркало, ротъ хоть кривитъ, но за то въ три аршина.
А кто на волынкѣ, какъ я, припѣвая, играетъ?
Тебя я, пастушка, пою и въ полдень и въ полночь,
Тебя, мой ангелъ, пою на зарѣ съ пѣтухами!
Приди, Галатея, тебя угощу я на славу!
На Красный Кабакъ на лихомъ мы поѣдемъ ѣсть вафли:
Ты станешь тамъ въ хорѣ плясать невинныхъ пастушекъ;
Я, трубку куря, на вашъ хоръ погляжу съ пастухами,
Иль съ ними и самъ я вступлю въ состязанье на дудкахъ,
А ты побѣдителя будешь увѣнчивать вафлей!

Но если, о Нимфа, тебѣ моя рожа противна,
Приди, и въ печкѣ моей схвативъ головешку,
Ты выжги, злодѣйка, мой глазъ, какъ сердце мнѣ выжгла!...

О Циклопъ, Циклопъ, куда твой разсудокъ дѣвался?
Опомнись, умойся, надѣнь хоть сюртукъ, и завейся,
И, выйдя на Невскій проспектъ, пройдись по бульвару,
Три раза кругомъ обернися и дунь противъ вѣтра,
И имя навѣки забудешь суровой пастушки.
Мой прадѣдъ, полтавскій Циклопъ, похитилъ у Пана
Сей вѣрный рецептъ отъ любви для всѣхъ земнородныхъ».

Такъ пѣлъ горемычный Циклопъ; и вставъ, пріодѣлся,
И, выйдя на Невскій проспектъ, по бульвару прошелся,
Три раза кругомъ обернулся и нá вѣтеръ дунулъ,
И имя забылъ навсегда суровой пастушки.

О Батюшковъ! станемъ и мы, если нужда случится,
Себя отъ любви исцѣлять рецептомъ Циклопа.

Второе — эпиграмма, быть можетъ отвѣтъ по поводу чьего-либо досужаго замѣчанія на непригожесть Гнѣдича:

Ты правъ, Дури́нъ, лицомъ я не пригожъ;
Но объ умѣ кто жъ судитъ по лицу?
А если такъ, благодаря отцу,
Я на тебя, мой ангелъ, не похожъ.

«Посланіе къ Лобанову» также не вошло ни въ одно изъ помянутыхъ изданій сборника стихотвореній Гнѣдича:

Мой добрый другъ Лобановъ,
Убогій сынъ Харитъ,
Какъ внукъ богатыхъ хановъ,
Мнѣ домъ мой золотитъ.
И всѣ мои картины:
Дѣвъ грѣшныхъ и святыхъ,

Воздушной ликъ Мальвины
И праотцевъ сѣдыхъ,
Рукой искусства, вкуса
Украсить ты умѣлъ
И въ золото одѣлъ.
О, пусть такъ другъ твой, Муза,—
Когда, о мой поэтъ!
Избавясь отъ суетъ
Творишь ты самъ картины,—
Сама ихъ золотитъ
И красить и живитъ
Для храма Мнемозины.

(1816)

Очень бойкой и злой сатирой отзывается одно шуточное произведеніе Гнѣдича, врядъ ли кому извѣстное изъ современниковъ поэта; если же предположить, что оно было гдѣ-либо читано, то развѣ въ самомъ интимномъ кружкѣ, такъ какъ форма сатиры не допускала слишкомъ большой его огласки. Это «символъ вѣры въ Бесѣдѣ при вступленіи сотрудниковъ»[1]: здѣсь онъ называетъ Шишкова отцомъ языка Славеноваряжскаго, Шихматова же сыномъ его, рожденнымъ ради погубленія писателей.

Рукопись помѣчена 1810 годомъ.

Этимъ исчерпываются законченныя произведенія Гнѣдича въ рукописяхъ моего собранія. Правда, въ бумагахъ поэта есть еще нѣсколько пьесъ, но всѣ онѣ большею частью въ наброскахъ, не отдѣланы, со многими варіантами, такъ что трудно держаться въ нихъ какой-либо опредѣленной редакціи. Грустный, больной и одинокій, Гнѣдичъ избиралъ для своей музы такіе сюжеты, которые отвѣчали бы его внутреннему настроенію, гдѣ онъ могъ бы выразить то «тайное сѣтованіе», которое до конца жизни не оставляло его вмѣстѣ съ физическимъ недугомъ. Такова напр. «Ласточка», написанная чрезвычайно тепло: это вздохъ, вырвавшійся изъ

---

[1] Объ отношеніяхъ Гнѣдича къ Бесѣдѣ см. *Жизнь Державина*, т. VIII академическаго изданія, стр. 908.

груди поэта, дни котораго уже были сочтены. Приводимъ это стихотвореніе по одной изъ найденныхъ нами редакцій:

ЛАСТОЧКА.

Ласточка, ласточка, какъ я люблю твои вешнія пѣсни!
Милый твой видъ я люблю, какъ весна, и живой и веселый!
Пой, весны провозвѣстница, пой и кружись надо мною:
Можетъ-быть, сладкія пѣсни и мнѣ напоешь ты на душу.

Птица, любезная людямъ, ты любишь сама человѣка:
Ты лишь одна изъ пернатыхъ свободныхъ гостишь въ его домѣ;
Днями чистѣйшей любви подъ его наслаждаешься кровлей,
Дружбѣ его и свой маленькій домъ и семейство ввѣряешь,
И зимы лишь бѣжа, оставляешь домъ человѣка.
Съ первымъ паденьемъ листовъ улетаешь ты, милая гостья;
Но куда? за какія моря, за какіе предѣлы
Странствуешь ты, чтобъ искать обновленія жизни прекрасной,
Пѣсней искать и любви, безъ которыхъ жить ты не можешь?
Кто, по пустынямъ воздушнымъ, досель неразгаданный нами
Путь для тебя указуетъ, чтобъ снова предъ нами являться?
Съ первымъ дыханьемъ весны ты являешься снова, какъ съ неба,
Пѣснями насъ привѣчать съ воскресеньемъ безсмертной природы.
Хату и пышный чертогъ избираешь ты, вольная птица,
Домомъ себѣ; но ни хаты жилецъ, ни чертога владыка
Дерзкой рукою не можетъ гнѣзда твоего прикоснуться,
Если онъ счастія дома съ тобой потерять не страшится:
Счастье приносишь ты въ домъ, гдѣ пріютъ не тревожный находишь,

Божія птица [1], какъ набожный пахарь тебя называетъ:
Онъ, какъ священную птицу тебя почитаетъ и любитъ
[Такъ пѣснопѣвцевъ народы въ вѣка благочестія чтили.]
Кто жъ, нечестивый, посмѣетъ гнѣзда твоего прикоснуться,
Домъ ты его покидаешь, какъ бы говоря человѣку:
«Будь покровителемъ мнѣ, но свободы моей не касайся».

Птица любови и мира, всѣхъ птицъ ненавидишь ты хищныхъ:
Первая, крикомъ тревожнымъ—домашнимъ ты птицамъ смиреннымъ
Вѣсть подаешь о бѣдѣ, о налетѣ коршуна злого;
Крикомъ встрѣчаешь его, и до облакъ преслѣдуешь крикомъ,
Часто крылатаго хищника умыслъ кровавый ничтожа.

Чистая птица, на прахѣ земномъ ты ногъ не покоишь;
Развѣ на мигъ, чтобы пищу восхитить, садишься на землю;
Цѣлую жизнь и поя и гуляя, ты плаваешь въ небѣ
Такъ же легко и свободно, какъ мощный дельфинъ въ океанѣ.
Часто съ высотъ поднебесныхъ ты смотришь на бѣдную землю:
Горы, лѣса, города и всѣ гордыя зданія смертныхъ
Кажутся взорамъ твоимъ не выше долинъ и потоковъ:
Такъ для взоровъ поэта земля и все, что земное,
Въ шаръ единый сливается, свыше лучемъ озаренный.

Пой, легкокрылая ласточка, пой и кружись надо мною!
Можетъ быть, пѣснь не послѣднюю ты мнѣ на душу напѣла.

Вотъ наконецъ и послѣднія строфы Гнѣдича, найденныя Лобановымъ на бюро поэта:

Душа, душа, ты рано износила
Свой временный, земной на мнѣ покровъ.
Не мудрено: по милости, его ты получила

---

[1] Такъ въ нѣкоторыхъ полуденныхъ губерніяхъ Россіи народъ называетъ ласточку.

Последнiя стихи Н. И. Гнедича взятые на бюро его февраля 6. 1833 года

Дщицы души, вы рано износили
Мои временные, земные покровы
Их мудрено, ... [illegible]
Как вещицы, ... от щедрот богов.

Сами вы у меня от века могучи
И безпокойны и кипучи
Как Тульский самовар
... твои беспрерывные жары
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible] И истрясли мой сосуд

О ... вы не могли

Изъ ветоши отъ щедроты боговъ.
Сама ты у меня отъ юности могуча,
И безпокойна и кипуча,
Какъ тульскій самоваръ.
Отъ дѣтства ко всему твой безпрерывный жаръ,
Которымъ всѣ твои движенья, полны
Твоихъ страстей (?), для тѣла сихъ отравъ,
Мнѣ кипятили жизнь, мнѣ били грудь какъ волны
И потрясали мой составъ,
Ты не могла....
. . . .

Религіозный и набожный, Гнѣдичъ подъ конецъ жизни мало удовлетворялся обычными молитвами: духъ его требовалъ чего-то иного, и вотъ онъ создаетъ свою молитву, предпосылая ей такую оговорку:

Не знаю отъ чего, но сердце мое не удовлетворяется молитвами, въ которыхъ отъ начала до конца восписываются хвалы Богу: такія хвалы и умныхъ людей оскорбляютъ. Душа моя всегда чувствовала нужду въ молитвѣ, въ которой бы находилась она въ собственныхъ отношеніяхъ къ Богу...

Боже Великій! Источникъ жизни, Создатель вселенной! Ты и меня благоволилъ воззвать изъ небытія, одарилъ душою и разумомъ; Ты и мнѣ удѣлилъ частицу изъ даровъ, украшающихъ человѣчество. Благодарю Тебя, Создатель мой, и молю: укрѣпляй мою душу, да не унижу ее ничѣмъ недостойнымъ; просвѣщай мой разумъ, да зрю истинныя пользы мои и да не уклонюся отъ пути добродѣтели и отъ высокой цѣли, благостію Твоею человѣчеству предназначенной...... Прости мнѣ, Боже милостивый, заблужденія, въ какія впадаю по слабости или по невѣжеству. Даруй мнѣ лучшее изъ благъ. здравіе души и тѣла, да

имѣю силы быть полезенъ моимъ собратіямъ; ибо симъ единственно могу возблагодарить Тебя за милости, какихъ Ты меня удостоиваешь, Отецъ милосердый!

Николай Ивановичъ не пользовался совершеннымъ здоровьемъ даже и въ молодыя лѣта; онъ не наслѣдовалъ его отъ родителей, а литературныя занятія, трудолюбивая, сидячая жизнь, въ послѣдствіи должны были еще болѣе ослабить его здоровье. Одиночество, въ свою очередь, умножало его душевную болѣзнь: ему не суждено было испытать величайшаго на землѣ счастія, — счастія супружества, котораго онъ такъ пламенно желалъ[1].

Отказываясь отъ медицинской помощи и отвергая лѣкарства, Гнѣдичъ угасалъ, будучи совершенно одинокъ и, можно сказать безъ преувеличенія — покинутый и брошенный всѣми.

Предвидя близкую смерть, Гнѣдичъ сталъ было писать духовное завѣщаніе, но долженъ былъ отказаться отъ этого, такъ какъ силы его уже слабѣли: написано имъ всего двѣ неполныхъ страницы; послѣ уже онъ продиктовалъ свою послѣднюю волю и частію сдѣлалъ словесныя распоряженія, передавъ ихъ Лобанову, съ которымъ находился болѣе или менѣе въ дружескихъ отношеніяхъ

Въ послѣднее время его жизни, хворый и слабый, Гнѣдичъ пораженъ былъ свирѣпствовавшею въ городѣ болѣзнію, грипномъ, и 3 февраля 1833 года Николай Ивановичъ скончался.

Вотъ нѣкоторыя изъ подробностей послѣднихъ минутъ жизни Гнѣдича.

Я зашелъ къ нему 2 февраля — говоритъ Лобановъ: — это было наканунѣ его смерти. Мнѣ сказали, что онъ сильно ослабѣлъ; однако же онъ диктовалъ духовное свое завѣщаніе. Онъ сидѣлъ неподвижно въ креслахъ, долго всматривался въ меня; наконецъ, узнавши, легкимъ движеніемъ головы привѣтствовалъ меня. Мнѣ прочитали волю его, исполненіе которой онъ возлагалъ единственно на меня, въ разсужденіи книгъ его и бумагъ. Выслушавъ это мѣсто изъ завѣщанія, я подошелъ къ нему и ска-

---

[1] Сынъ Отеч., 1842, XI. стр. 28.

залъ: — Исполню, все въ точности, исполню, почтенный другъ; но не позволите ли перепечатать нѣкоторыхъ прозаическихъ вашихъ сочиненій? — «Я самъ, сказалъ онъ, не могъ выбрать изъ нихъ ничего удовлетворительнаго для меня; впрочемъ, отдаю ихъ на вашу волю, дѣлайте, что хотите». Потомъ, по нѣкоторомъ молчаніи, взглянувъ на меня, тихо сказалъ: «Вспоминайте иногда обо мнѣ». При этихъ словахъ друга, при голосѣ страдальца, чувствующаго уже свое разрушеніе и спокойно ожидающаго смерти, слезы невольно покатились по моему лицу. Я благодарилъ его за чистую, искреннюю дружбу его, и благодарилъ пламенно. Сидѣвшій до сихъ поръ спокойно и неподвижно, и по временамъ нѣсколько уже забывавшійся, онъ вдругъ повернулся ко мнѣ, схватилъ мою руку и крѣпко пожалъ ее. Казалось, вся прежняя сила возвратилась ему на минуту, чтобы послѣднимъ пожатіемъ руки проститься съ сопутникомъ жизни, дѣлившимъ съ нимъ и радости ея и горе [1].

Исполняя послѣднюю волю покойнаго, душеприказчики въ точности распорядились оставшимся имуществомъ Гнѣдича, о чемъ тогда же Лобановъ составилъ записку, которую приводимъ здѣсь вполнѣ:

Статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, одержимый долговременною болѣзнію и чувствуя приближеніе своей смерти, 3-го числа февраля сего 1833 года исполнилъ долгъ христіанина, причастился святыхъ таинъ и просилъ нѣкоторыхъ своихъ пріятелей не оставлять его въ послѣднія минуты его жизни и не дать ему умереть на рукахъ наемниковъ. Того же 3-го числа февраля находились при немъ родственный ему дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичъ Позднякъ, отставной полковникъ Платонъ Степановичъ Яковлевъ и коллежскій совѣтникъ Степанъ Васильевичъ Василевскій.

За нѣсколько минутъ до смерти своей, сохраняя здравый разумъ и память, Н. И. Гнѣдичъ оставилъ въ рукахъ трехъ означенныхъ господъ открытую свою духовную, подписанную имъ,

---

[1] Тамъ же, стр. 31.

свидѣтелями и духовникомъ его, Пантелеймонскія церкви священникомъ Стефаномъ Славинскимъ, и указалъ имъ на ключи отъ столовъ его и бюро. Прочитавъ духовную его, которою онъ оставляетъ все свое имущество, состоящее какъ въ вещахъ, такъ и наличныхъ деньгахъ, племяннику своему, не достигшему еще совершенныхъ лѣтъ Павлу Бужинскому, избирая въ душеприказчики: дѣйствительнаго статскаго совѣтника Д. П. Поздняка, статскаго совѣтника Петра Петровича Татаринова, коллежскихъ совѣтниковъ М. Е. Лобанова и С. В. Василевскаго,—означенные выше свидѣтели послѣднихъ минутъ его жизни, открывъ бюро и столы его, нашли наличныхъ денегъ государственными ассигнаціями восемь тысячъ рублей, да билетами коммерческаго банка двѣнадцать тысячъ рублей, изъ которыхъ первый въ 2000 руб. 1829 года, подъ № 3710, и съ котораго проценты получены самимъ Н. И. Гнѣдичемъ по . . . . ; второй въ десять тысячъ, того же 1829 года декабря 12-го, подъ № 8255, съ котораго проценты получены самимъ Н. И. Гнѣдичемъ по . . . . Сіи двадцать тысячъ взяты на сохраненіе Василевскимъ, который, по просьбѣ всѣхъ душеприказчиковъ, принялъ на себя денежную и расходную часть по дѣламъ Н. И. Гнѣдича до окончанія оныхъ. Всѣ другія вещи, какъ-то: столовое серебро, брилліантовый орденъ св. Анны, золотыя табакерки, часы и все находившееся въ его квартирѣ въ столахъ, шкапахъ и комодахъ, было тогда же осмотрѣно и заперто. Ключи хранились у его превосходительства Дм. Пр. Поздняка. Въ это время, того же 3-го числа февраля, въ пять часовъ по полудни, скончался незабвенный для друзей его Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.

Предавши землѣ тѣло покойнаго Н. И. Гнѣдича, съ приличною почестію, на новомъ Невскомъ кладбищѣ февраля 6 дня сего 1833 года, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дм. Пр. Поздиякъ, статскій совѣтникъ П. П. Татариновъ, коллежскіе совѣтники: М. Е. Лобановъ и С. В. Василевскій по общему согла-

сію немедленно приступили къ исполненію воли покойнаго Н. И. Гнѣдича и сдѣлали слѣдующее[1]:

Коллежскій совѣтникъ Лобановъ,—какъ по словесной просьбѣ и распоряженію покойнаго друга своего наканунѣ его кончины, такъ и въ исполненіе духовной, въ которой сказано: «Библіотеку мою завѣщаю въ пользу Полтавской губернской гимназіи, на сей конецъ прошу покорно г. библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки разобрать и приготовить къ отдачѣ, для доставленія оныхъ по назначенію; такъ же разобрать всѣ мои бумаги, и тѣ изъ сихъ послѣднихъ, которыя по своему содержанію признаны быть могутъ важными, или интересными для общаго свѣдѣнія, отдать въ Императорскую Публичную Библіотеку, предоставляя изъ остальныхъ сдѣлать употребленіе по собственному благоусмотрѣнію Михаила Евстафьевича»,—взялъ всѣ бумаги Н. И. Гнѣдича, а потомъ и книги, найденныя въ его квартирѣ. Разобравъ первыя, онъ внесъ въ Императорскую Публичную Библіотеку: 1) Рукописный экземпляръ Иліады Гомеровой въ 2-хъ частяхъ, въ листъ, съ поправками рукою Н. И. Гнѣдича, какъ важнѣйшій памятникъ дарованій и почти всей его литературной жизни. Сей экземпляръ былъ поднесенъ Государю Императору, и съ сего же экземпляра отпечатана сія поэма. 2) Печатный экземпляръ Иліады Гомера съ послѣдними поправками карандашемъ и варіантами Н. И. Гнѣдича. 3) Нѣсколько черновыхъ тетрадей, содержащихъ въ себѣ нѣкоторыя пѣсни Гомера, частію писанныя, а частію только поправленныя рукою Н. И. Гнѣдича. 4) Напечатанныя стихотворенія Н. И. Гнѣдича съ послѣдними его поправками. 5) Басни И. А. Крылова со многими собственноручными его поправками. 6) Германа о стопосложеніи древнихъ, переводъ Симигановскаго и студентовъ, рукопись. Его высокопревосходительство г-нъ директоръ Императорской Публичной Библіотеки

---

[1] Сбоку приписано: «Двоюродный братъ, отставной полковникъ Николай Ивановичъ Петровскій-Муравскій. Сынъ его Сергій Николаевичъ. Тысячу руб. Слободско-Украинской губерніи, Богодуховскаго уѣзда въ село Бригадировку въ пользу церкви Пресвятыя Богородицы».

далъ приказаніе предписаніемъ, №. . ., хранить въ сей Библіотекѣ въ отдѣленіи манускриптовъ сіи драгоцѣнные памятники знаменитаго переводчика Гомера.

Въ Императорскую Россійскую Академію возвращены, какъ собственность оной: 1) Рукописный Словарь малороссійскаго языка. 2) Нѣсколько псалмовъ и пѣсенъ на малороссійскомъ же языкѣ, доставленныхъ ему сею Академіею для разсмотрѣнія и пополненія оныхъ еще въ 1818 году. Къ нимъ присоединено нѣсколько листовъ на буквы *А* и *Б* Словаря малороссійскаго языка, писанныхъ собственною рукою Н. И. Гнѣдича.

Коллежскій Совѣтникъ Лобановъ исполнилъ и второе, еще труднѣйшее завѣщаніе покойнаго своего друга: разобралъ его библіотеку, составилъ опись его печатнымъ книгамъ на русскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и другихъ языкахъ, и съ крайнимъ изнуреніемъ силъ, ибо онъ не имѣлъ въ семъ дѣлѣ помощника, уложилъ оную въ 4 ящика, нарочно для того заказанные, и отправилъ при письмѣ къ г. попечителю Харьковскаго учебнаго округа сіи четыре ящика съ описью оныхъ. Къ крайнему его сожалѣнію, нѣкоторыя сочиненія разрознены и разбиты.

Составивъ вѣрную и подробную опись вещамъ покойнаго Н. И. Гнѣдича и сдѣлавъ онымъ съ помощію нѣкоторыхъ честныхъ торговцевъ оцѣнку, и храня значительнѣйшія вещи за ключемъ въ запечатанной ихъ печатями комнатѣ, 3-го числа марта сего 1833 года означенные господа, повѣстивъ пріятелей и знакомыхъ покойнаго Н. И. Гнѣдича и нѣкоторыхъ торговцевъ, приступили къ продажѣ вещей его на квартирѣ его въ домѣ г. Оливье. Сія продажа продолжалась нѣсколько дней, и крайнимъ усердіемъ и дѣятельностію исполнителей завѣщанія покойнаго Н. И. Гнѣдича выручено денегъ 9110 рублей 35 копѣекъ.

Труженикъ въ лучшемъ и чистѣйшемъ значеніи слова, Гнѣдичъ высоко держалъ знамя писателя, и свой взглядъ на это

прекрасно выразилъ въ рѣчи, сказанной имъ въ полугодичномъ собраніи Общества любителей россійской словесности [1]. Вотъ отрывокъ изъ этой рѣчи:

Не считаю нужнымъ изображать вамъ, какимъ орудіемъ владѣетъ тотъ, кто принимаетъ въ руки свѣтильникъ наукъ, чтобы озарять души себѣ подобныхъ. Ревнующимъ успѣхамъ просвѣщенія конечно извѣстна исторія письменъ. Извѣстно, что распространеніе оныхъ есть одно изъ средствъ разума, болѣе всего споспѣшествующее славѣ и счастію народовъ; а тѣмъ паче въ наше время, когда средства сіи умножены и ускорены до чрезвычайности. Какъ въ древности пламенникъ игръ священныхъ быстро переходилъ изъ рукъ въ руки, переходитъ теперь отъ народа къ народу пламенникъ искусствъ и познаній. Въ такое время перо писателя можетъ быть въ рукахъ его оружіемъ болѣе могущественнымъ, болѣе дѣйствительнымъ, нежели мечъ въ рукѣ воина. Я не о тѣхъ говорю писателяхъ, людяхъ впрочемъ съ дарованіемъ, которые, усиліемъ и навыкомъ, пріобрѣтая извѣстную легкость въ слогѣ, заставляютъ читать себя и слушать. Такой писатель есть почти каждый образованный гражданинъ въ странахъ просвѣщенныхъ; они обыкновенно составляютъ такъ называемую литературу свѣта — и, ласкатели его, угодники всѣхъ прихотей моды и духа времени, они рабы мнѣнія.

Вы, мм. гг., питаете намѣренія высшія, вы желаете способствовать просвѣщенію согражданъ. Но, зная однакожъ, что должно быть пріятнымъ, чтобы быть полезнымъ, вы, для распространенія своихъ намѣреній, избрали словесность изящную. Что же можетъ быть важнѣе, что можетъ быть священнѣе обязанности, какую каждый изъ насъ на себя принимаетъ? Каждый изъ насъ есть или быть долженъ виновникомъ или свѣтлой мысли, или благороднаго чувства въ душѣ юной, которыя, можетъ-быть, глубоко пустивъ корни свои, сдѣлаютъ вдохнувшаго

---

[1] Помѣщена въ XV части «Трудовъ» Общества и напечатана отдѣльно (Спб. 1821).

ихъ, такъ сказать, творцомъ нравственнаго бытія человѣческаго. Если таково вліяніе писателя на человѣка, таково и общее дѣйствіе письменъ на народы. Да размышляютъ воздѣлыватели ихъ о важности служенія своего; да будутъ они чисты сердцемъ, какъ служители Божества, или тѣ, которые приближаются къ священнымъ алтарямъ его.

Писатель своими мнѣніями дѣйствуетъ на мнѣніе общества; и чѣмъ онъ богаче дарованіемъ, тѣмъ послѣдствія неизбѣжнѣе. Мнѣніе есть властитель міра. Да будетъ же перо въ рукахъ писателя то, что скипетръ въ рукахъ царя: твердъ, благороденъ, величественъ! Перо пишетъ, чтó начертается на сердцахъ современниковъ и потомства. Имъ писатель сражается съ невѣжествомъ наглымъ, съ порокомъ могущимъ, и сильныхъ земли призываетъ изъ безмолвныхъ гробовъ на судъ потомства. Чтобы владѣть съ честію перомъ, должно имѣть болѣе мужества, нежели владѣть мечемъ. — Но если писатель благородное оружіе свое преклоняетъ передъ врагами своими, если онъ унижаетъ его, чтобы ласкать могуществу, или, если прелестію цвѣтовъ покрываетъ развратъ и пороки, если, вмѣсто огня благотворнаго, онъ возжигаетъ въ душахъ разрушительный пожаръ, и пищу сердецъ чувствительныхъ превращаетъ въ ядъ: перо его— скиптръ, упавшій во прахъ, или оружіе убійства! — Чтобы памяти своей не обременить сими грозными упреками, писатель не долженъ отдѣлять любви къ славѣ своей отъ любви къ благу общему. — Да будетъ же первою страстію, насъ одушевляющею, вдохновеніемъ нашего ума и сердца — любовь къ человѣчеству, сія любовь, незнакомая, непостижимая сердцамъ необразованнымъ, сіе чувство небесное, которое, даже однимъ желаніемъ сдѣлать счастливыми насъ окружающихъ, дѣлаетъ и насъ самихъ болѣе счастливыми.

Сердцемъ добрый, духомъ возвышенный и свободный, да не измѣняетъ себѣ служитель Музъ ни въ какихъ случаяхъ жизни; да не рабствуетъ предъ фортуною и не страшится бѣдности! Бѣдность — превосходнѣйшее училище людей. Если она усѣ-

ваетъ путь жизни терніями жестокими, то на каждомъ шагу открываетъ такіе опыты, такія истины, какія невидимы съ высоты чертоговъ. На семъ пути человѣкъ узнаетъ человѣка и научается любить его: ибо видитъ, что большая часть людей — несчастны; на семъ пути, привыкая ожидать всего единственно отъ себя, убогій пріобрѣтаетъ мужество и силу души, первыя свойства геніевъ благородныхъ, свойства, чуждыя сыновъ счастія, которые возрастаютъ какъ вѣтви на опорахъ, слабые, чтобы выносить удары бури. Я не говорю, что богатство безполезно для ума, но что умъ не долженъ раболѣпствовать фортунѣ. — Если жъ писателю такое отреченіе тягостно, да оставитъ онъ поприще письменъ, да ищетъ другого пути: ихъ много, чтобы приносить пользу отечеству и заслуживать доброе имя. Фортуна же и меценаты, которыхъ онъ будетъ искать, продаютъ благосклонности свои за такія жертвы, которыхъ почти нельзя принесть не на счетъ своей чести.

Наконецъ писатель да любитъ болѣе всего языкъ свой. Могущественнѣйшая связь человѣческихъ обществъ, узелъ, который сопрягается съ нашими нравами, съ нашими обычаями, съ нашими сладостнѣйшими воспоминаніями — есть языкъ отцовъ нашихъ! И величайшее уничиженіе народа есть то, когда языкъ его пренебрегаютъ для языка чуждаго. Да вопіетъ противу зла сего каждый, ревнующій просвѣщенію, да гремитъ неумолкно и поэзіей и краснорѣчіемъ! Пусть онъ въ желчь негодованія омачиваетъ перо и всѣмъ могуществомъ слова защищаетъ языкъ свой, какъ свои права, законы, свободу, свое счастіе, свою собственную славу!

. . . .

Чтобы имя писателя переживало вѣки и народы, да посвящаетъ онъ перо свое предметамъ, которые составляютъ неизмѣнную пищу ума и сердца во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ. Пусть онъ пишетъ не для человѣка, но для человѣчества. Платоны и Омеры, Шекспиры и Данты, Расины и Шиллеры, въ какія бы новыя краски и новыя формы ни облекалось искусство

3*

словесное, будутъ вѣчными питателями ума, воображенія и чувства. — И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ любви, единственной страсти, какую поэты нашихъ временъ возвысили до энтузіазма, но которую образованность у насъ прекраснаго пола, собственнымъ могуществомъ, сильнѣе каждаго поэта воспламенитъ и возвыситъ, кромѣ любви сей, или нѣтъ уже ничего болѣе въ сердцѣ человѣка, столь же благороднаго, столь же необходимаго для его благополучія? Думы высокія, восторги пламенные, святое пожертвованіе самимъ собою для блага людей, вы, которые напечатлѣваетесь и въ дѣлахъ и въ помыслахъ душъ благолюбивыхъ, и изъ существа земного дѣлаете существо небесное — гдѣ вы? Ужели сердце наше не питаетъ ихъ болѣе? Уже ли оно, истребивъ сіи хранительныя начала обществъ, разорвало всѣ связи? Кажется, ничто его не заботитъ; кажется, ничто его не колеблетъ, кромѣ одного чувства, одной страсти безжизненной, которою отдѣляясь, какъ хладною стѣною, отъ общества себѣ подобныхъ, человѣкъ видитъ себя — зрѣлище унылое! — одного въ мірѣ и міръ для одного себя.

Пѣсни любви, восторги наслажденій! Вы всегда будете сладостны сердцу, если освящены его невинностію. — «А если нѣтъ, въ этомъ можно ли обвинять пѣвцовъ ихъ?» Писатель, говорятъ, есть выраженіе времени, печать духа и нравовъ вѣка своего. Какъ? Пѣвецъ, сынъ вдохновенія небеснаго, долженъ быть только эхомъ людей? Онъ, свободный, долженъ рабски слѣдовать за вѣкомъ и, самъ увлекаясь пороками его, долженъ питать ихъ, осыпать цвѣтами и музъ превращать въ сиренъ, соблазнительницъ человѣка? Удались, мысль недостойная разума! Въ царство ужаса, когда законы запретили исповѣданіе Создателя, въ дни безвѣрія и безбожія народнаго, Делиль на развалинахъ алтарей пѣлъ бытіе Бога и безсмертіе души. — Вотъ подвиги писателя! — Пробудить, вдохнуть, воспламенить страсти благородныя, чувства высокія, любовь къ вѣрѣ и отечеству, къ истинѣ и добродѣтели — вотъ что нужно въ такое время, когда благороднѣйшими свойствами души жертвуютъ эгоизму, или

такъ называемому свѣту ума, когда холодный умъ сей опустошаетъ сердце, а низость духа подавляетъ въ немъ все, что возвышаетъ бытіе человѣка. — Въ такое время нужнѣе чрезмѣрить величіе человѣка, нежели унижать его; лучше подражать тѣмъ ваятелямъ древности, которые произведеніямъ своимъ дали образцы благороднѣйшіе и величество, превосходящее природу земную, чѣмъ поэзію уподоблять Цирцеѣ, превратившей въ животныхъ спутниковъ Одиссея.

На комъ, болѣе нежели на другихъ, лежитъ сей долгъ превосходный? — У кого въ рукахъ сія власть завидная? Сыны Аполлона, наслѣдники дара, который къ ногамъ Орфея приводилъ звѣрей и двигалъ за нимъ древа и камни,—явите намъ вы древнее свое могущество, воспойте намъ пѣсни, которыя согрѣли бъ умирающее сердце человѣка, которыя воскресили бъ его къ жизни, достойной мужа! Вотъ поприще, вотъ ваши подвиги славы! — Такъ, и тотъ, чей свѣтлый умъ проницаетъ тайны творенія, и тотъ, кто гармоніей лиры очаровываетъ слухъ, и тотъ, кто силою слова волнуетъ кровь человѣческую, и философъ, и поэтъ и ораторъ — да не мечтаетъ о славѣ, когда мысль его, при самыхъ блистательныхъ произведеніяхъ, не обращается къ сей цѣли благородной, къ сему предопредѣленію письменъ и познаній.

Почти то же самое высказано Гнѣдичемъ въ обращеніи: «Къ моимъ стихамъ», гдѣ виденъ тотъ же горячій защитникъ и поборникъ чистаго служенія слову:

Пока еще сердце во мнѣ оживляется солнцемъ;
Пока еще въ персяхъ, не вовсе отъ лѣтъ охладѣвшихъ,
Любовь не угаснула къ вамъ, о стихи мои, дѣти
Души молодой, но въ которыхъ и самъ нахожу я
Дары небогатые строго-скупой моей Музы,
Которые можетъ-быть вовсе отвергла бъ отъ сердца

Брюзгливая старость, и кажется, что по заслугамъ:
(Но кто на землѣ не принесъ самолюбію дани?)
Спѣшу, о стихи, васъ отъ грознаго спасть приговора;
Спѣшу васъ отдать подъ покровъ снисходительной дружбы.
И если она не найдетъ въ васъ ни прелестей слова,
Какими насъ Музы изъ устъ ихъ любимцевъ плѣняютъ;
Ни пламенныхъ чувствій, ни думъ тѣхъ могучихъ, какія
Кипятъ на устахъ вдохновенныхъ и души народовъ волнуютъ;
То — нѣжная въ чувствахъ, найдетъ хоть меня въ моихъ пѣсняхъ,
Души моей слабость, быть можетъ, ея добродѣтель;
Узнаетъ изъ нихъ, что въ груди моей бьется, быть можетъ,
Не общее сердце; что съ юности нѣжной оно трепетало
При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль смѣломъ,
Дрожало при имени славы и гордой свободы;
Что съ юности нѣжной, любовію къ Музамъ пылая,
Оно сохраняло, во всѣхъ коловратностяхъ жизни,
Сей жаръ, хоть не пламенный, но постоянный и чистый;
Что не было видовъ, что не было мзды, для которыхъ
Душой торговалъ я; что, бывши не разъ искушаемъ
Могуществомъ гордымъ, изъ опытовъ вышелъ я чистымъ;
Что жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ.
. . . .

Въ частной жизни, насколько можно судить по сохранившимся письмамъ и запискамъ, Гнѣдичъ былъ тѣмъ же честнымъ поэтомъ, какимъ онъ высказывался и въ своихъ произведеніяхъ. Знавшіе его не могли относиться къ нему безъ симпатій, и даже повидимому строгіе судьи не могли не уважать въ немъ честнаго литератора и честнаго человѣка. Кн. П. А. Вяземскій, въ своей «Записной Книжкѣ» позволивъ себѣ маленькое злословье по адресу Гнѣ-

дича, тѣмъ не менѣе заключаетъ свои «грѣшныя сплетни» словомъ истины, которое, по его собственному сознанію, должно перевѣсить все, что̀ могло показаться насмѣшкою въ его очеркѣ Гнѣдича:

Гнѣдичъ въ общежитіи былъ честный человѣкъ; въ литературѣ былъ онъ честный литераторъ. Да и въ литературѣ есть своя честность, свое праводушіе. Гнѣдичъ въ ней держался всегда безъ страха и безъ укоризны. Онъ высоко дорожилъ своимъ званіемъ литератора и носилъ его съ благородною независимостью. Онъ былъ чуждъ всѣхъ продѣлокъ, всѣхъ мелкихъ страстей и промышленностей, которыя иногда понижаютъ уровень, съ котораго писатель никогда не долженъ бы сходить [1].

Прямой и безпристрастный всегда и во всемъ, вотъ какъ Гнѣдичъ дружески журитъ нѣкоего Полозова. Записка помѣчена 23 апрѣля 1810:

Спасибо за извѣщеніе, когда въ казенной палатѣ выдадутъ деньги брату, который ихъ давно уже получилъ; спасибо за концертъ, за Глазеникову, за билетъ на муку, на дрова, и проч.

Если ты и ко всѣмъ людямъ будешь имѣть подобное вниманіе, то не надѣйся, что ты въ высшемъ ихъ состояніи обрѣлъ доброжелающихъ тебѣ, а въ равномъ — друзей истинныхъ. Дружество, любовь и привязанность начальниковъ, всѣ равно привлекаются одною силою: пользою. Разсуди, какими средствами во всѣхъ трехъ случаяхъ можешь ты быть болѣе полезенъ, и ими дѣйствуй. Одолжай всѣхъ и самъ одолжайся съ разсудкомъ. Памятныя дѣла носи лучше въ сердцѣ или въ умѣ, а не въ записной книжкѣ. Не дѣлай ни малѣйшаго невниманія къ тому человѣку, котораго желаешь имѣть себѣ другомъ, потому что̀ если онъ честолюбивъ — оскорбится, если корыстенъ — осердится, если искренен, то быть такимъ перестанетъ. Вотъ тебѣ урокъ изъ моей философіи. Желаю, чтобы ты и объ немъ не забылъ.

---

[1] Кн. П. А. Вяземскій: Полное собраніе сочин., т. VIII, стр. 455.

Пришли №. Вѣстника, гдѣ Кантемировы Сатиры.—Потрудись послать за лѣкарствомъ.

Или вотъ напримѣръ другое письмо къ тому же Полозову, изъ Бригадировки (24 іюня 1810), гдѣ виденъ тотъ же прекрасный Гнѣдичъ:

Послѣ хорошей и гадкой, покойной и бѣсившей меня дороги, 15-го числа я увидѣлъ домашнихъ пенатовъ; съ 15 іюня я въ объятіяхъ родственниковъ, но рыдающихъ; не подъ веселымъ кровомъ отеческимъ, но на гробахъ моихъ предковъ. Я всегда досадовалъ, что воображеніе мое увеличиваетъ предметы выше ихъ сущности, но вотъ въ первый разъ оно ихъ уменьшило. Положеніе сестры моей болѣе тягостно и достойно сожалѣнія, нежели я воображалъ въ Петербургѣ. Я кляну себя, зачѣмъ такъ медлилъ пріѣздомъ. Сердце мое такъ стѣснено, что я ничего не могу писать тебѣ, любезный другъ, посторонняго. Здѣсь весь воздухъ пахнетъ и смѣется, а люди всѣ плачутъ. Должно имѣть Зенонову философію, чтобы быть равнодушнымъ. Зная твою ко мнѣ дружбу, надѣюсь, что похлопочешь и доставишь мнѣ паспортъ. Пришли пожалуйста 6 экземпляровъ Иліады, и если можешь посылать по казенному, то потрудись взять у Рыкалова 6 экземпляровъ Леара и прислать; со мной нѣтъ ни одного; еще попроси отъ имени моего у Измайлова тотъ № Цвѣтника, гдѣ напечатана: *Скоротечность юности*, и пришли вмѣстѣ. Въ торопяхъ я ничего не взялъ съ собою, а это немного досадно. Ты много доставишь мнѣ удовольствія исполнивши мои просьбы, на которыя я къ тебѣ кажется не много уже безстыденъ. Прости дружбѣ. Въ Москвѣ за починкой коляски я просидѣлъ 6 сутокъ и видѣлъ весь Парнасъ, весь сумасшедшихъ домъ. Жуковскій истинно умный и благородный человѣкъ, но москвичъ и нѣмецъ. Батюшкова я нашелъ больнаго, кажется отъ московскаго воздуха, зараженнаго чувствительностью, сыраго отъ слезъ проливаемыхъ авторами и густаго отъ ихъ воздыханій. Я почти выгналъ его изъ Москвы. Онъ тебя много любитъ. Здѣсь мнѣ столько грусти и хлопотъ,

что я и для писемъ едва ли буду имѣть время, тѣмъ болѣе, что не на одномъ мѣстѣ жить стану. Что творятъ и говорятъ у К. С.? Неужели Шаховскаго носитъ еще земля? Что въ театрѣ? Скажи кн. Гаг(арину), что я долго проживу въ Малороссіи. Какъ онъ это приметъ, мнѣ напиши. Если бъ ты видѣлъ въ какомъ мѣстѣ пишу я письмо, то не удивлялся бы, хотя бъ я и никогда отсюда не выѣхалъ. Поклонись любезному Подлесецкому; скажи, что хотя Чернышевъ и кланялся часто стеклянному богу и мало имѣетъ въ верхнемъ своемъ этажѣ мебели, но получилъ хорошій аттестатъ и благосклоннѣйшую благосклонность князя Гагарина. Поклонись Катенинымъ. Скажи Петру Александровичу, чтобъ онъ болѣе маршировалъ стихами, нежели ногами. Крылову: попроси отъ него экземпляръ басенъ и не забудь прислать мнѣ. Наконецъ поклонись себѣ и поцѣлуй за меня самъ себя во что хочешь, хоть въ афендронъ. Заклинаю тебя стариками твоими писать ко мнѣ чаще. Кланяйся имъ. Доставь письмо Самариной; если же нѣтъ уже ея въ Петербургѣ—сожги, не читавши. Не знаешь ли чего о ея дѣлѣ? Что твоя служба? Повѣствуй обо всемъ ясно, подробно и вразумительно, какъ Гомеръ. Пожалуйста, добрый Алексѣй, утѣшь меня. Прощай, другъ. Мальвина толкаетъ меня въ локоть носомъ; понимаю — она проситъ тебѣ кланяться, и хвалится, что она попробовала тверскихъ, московскихъ и тульскихъ разныхъ пропорцій и видовъ; а я еще никакихъ. Цалую тебя, прощай.

Весь твой Г.

Не знаешь ли чего о Разумовскомъ и Мартыновѣ? Отдай Прасковьѣ Петровнѣ, если она захочетъ, прочесть письмо мое, ибо къ ней, по малости времени, писать много не успѣваю. Увѣдомь меня о ней. Да пожалуйста исполни мои комиссіи.

Какъ человѣкъ, Гнѣдичъ болѣе всего высказался въ своей «Записной Книжкѣ»: ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемый, и конечно не предназначая ее для печати, тамъ онъ бесѣдовалъ съ собою, излагая мысли какъ онѣ появлялись у него въ минуты скорбнаго и печальнаго одиночества. Этимъ произведеніемъ, случайными набросками

поэта мы заключимъ нашу статью, изданіемъ которой Академія приноситъ нынѣ дань уваженія чистой памяти человѣка и писателя.

Выше было упомянуто, что Гнѣдичъ похороненъ на новомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Друзья покойнаго поставили скромный памятникъ поэту, гдѣ между прочимъ приведенъ стихъ изъ Иліады:

Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися...

хотя съ бо́льшимъ правомъ Гнѣдичъ могъ бы вѣщать съ намогильной плиты:

...жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА Н. И. ГНѢДИЧА

Φάρμακὸν νηπενθές τ' ἄχόλόν τε, κακων ἐπίληθον ἁπάντῶν (Od. IV, 221).

Magis amica veritas.

Rara per ignotos errent animalia montes.

Ὡς ἐμός οἶκος ὑπάρχει,
Τοῖα φερω (Theocrit. Id. XXII, v. 221).

Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

Нѣкоторымъ истинамъ должно вѣрить такъ, какъ существованію; одна душа намъ ихъ открываетъ, и умствованія всякаго рода суть только слабыя произведенія изъ сего источника. Одинъ геній чувства превыше философіи опытной и философіи умозрительной; одинъ онъ даетъ убѣжденіе за предѣлами разума человѣческаго.

Кантъ полагаетъ на двухъ параллельныхъ линіяхъ доказательства *за* и *противъ* свободы человѣка, безсмертія души, временнаго или вѣчнаго бытія міра, и призываетъ *чувство*, чтобы оно подняло вѣсы; ибо убѣжденія метафизическія и съ той и съ другой стороны казались ему равносильными. И, въ самомъ дѣлѣ, умствуйте о свободѣ человѣка, и вы ей не повѣрите, но положите руку на свою совѣсть, на свое сердце, и вы не можете въ ней сомнѣваться.

Должно вѣрить Богу и совѣсти, ибо мы ихъ чувствуемъ; всѣ доводы будутъ всегда ниже убѣжденій сего ощущенія.

Для людей не совсѣмъ твердыхъ правилъ и слабой нравственности довольно найти въ писателѣ одну фразу въ пользу

ихъ поведенія; они употребляютъ ее сначала, чтобъ обманывать другихъ, и кончатъ тѣмъ, что будутъ обманывать самихъ себя.

Чувствованіе безконечнаго есть истинная принадлежность души; нельзя слышать ни вѣтра въ лѣсу, ни сладкихъ тоновъ голоса человѣческаго, нельзя чувствовать очарованія краснорѣчія или поэзіи, не будучи проникнутымъ ощущеніемъ *безпредѣльнаго* — симъ высокимъ чувствомъ безсмертія. Многіе люди въ состояніи отрицать сіе чувство, ибо имъ невозможно изъяснить его: слова не заставятъ ихъ понять то, чего не говоритъ имъ вселенная.

Испытаніе можетъ ослабить сію вѣру привычки, которую люди, весьма хорошо дѣлаютъ, сохраняя сколько возможно. Но когда человѣкъ кончитъ испытаніе, и остается болѣе вѣрующимъ нежели при его началѣ, тогда религія остается уже на непоколебимомъ основаніи, тогда водворяется между ею и философіею вѣчный миръ и взаимное служеніе.

Молитва — есть дыханіе души.

Безъ энтузіазма — нѣтъ наукъ, художествъ и словесности въ народѣ.

Истину, какъ и дѣтей, нельзя раждать безъ болѣзни.

Несчастіе — есть преждевременная старость.

Въ бурѣ бѣдствій свѣтильникъ философіи гораздо менѣе успокоиваетъ, чѣмъ маленькая лампада передъ образомъ Святой Дѣвы.

Въ книгѣ Бытія есть красоты столько необыкновенныя, столь великія, что онѣ убѣгаютъ отъ всякаго изъясненія критики; удивленіе не находитъ словъ и искусство обращается въ ничтожество.

Оригинальный писатель не тотъ, который никому не подражаетъ, но которому никто подражать не можетъ.

Ходъ словеснаго искусства можно сравнить съ успѣхами живописи. Палитра новаго художника покрывается безчисленнымъ разнообразіемъ цвѣтовъ и тѣней; поэтъ древній составлялъ свои картины изъ трехъ цвѣтовъ Полигнота. Римляне между Греками и нами имѣли уже два способа. Какъ греки, они были просты въ основаніяхъ; какъ мы — въ искусствѣ подробностей. Можетъ быть сіе счастливое соединеніе двухъ вкусовъ составляетъ совершенство Виргилія.

Христіанизмъ извлекъ изъ сердца звуки, совершенно неизвѣстные древнимъ, и далъ, такъ сказать, душѣ новыя струны. Звуки сіи силою любви проникаютъ твердь небесную и достигаютъ къ Престолу Вѣчнаго.

Человѣкъ съ великимъ характеромъ никогда не рѣшится прекратить жизни своей въ величайшихъ бѣдствіяхъ. Умереть легко; и онъ потому единственно уже предпочтетъ смерти жизнь, что она тягостнѣе.

Истинная философія никогда не растлитъ невинности сердца, ни въ самой глубокой старости ума народнаго; ученіе Сократа и Іисуса заставитъ человѣка имѣть добродѣтели по размышленію, если онъ не имѣетъ ихъ по побужденію.

Пусть Канты, упрямствуя въ семъ ложномъ мнѣніи, что нѣтъ ничего что бы было выше нашего понятія, изсыхаютъ надъ метафизикою; они никогда не постигнутъ ни одной тайны природы; не они положили *морю врата*, не они рекли ему: *до сего дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя.* Зачѣмъ, восклицаетъ Монтань, зачѣмъ не пожелаетъ природа когда-нибудь хотя на мигъ обнажить предъ нами нѣдра свои? Боже! Сколько лжи, сколько заблужденій мы увидѣли бы въ нашемъ бѣдномъ знаніи!

Платонъ, пламенный любитель высшихъ познаній, говоритъ прямо, что высшія науки не всѣмъ полезны, а только нѣкоторому

числу; онъ прибавляетъ разсужденіе, подтвержденное опытомъ новыхъ вѣковъ, что совершенное невѣжество не есть величайшее и опаснѣйшее зло, но что познанія, дурно направленныя, гораздо вреднѣе и опаснѣе (De leg., lib. 7).

Легкая поверхность философіи ведетъ къ заблужденіямъ и къ невѣдѣнію Божества, но *полное ученіе* сближаетъ человѣка съ Богомъ. Такъ говоритъ Баконъ. Какъ ужасна эта истина! Одни простыя сердца и одни великіе умы могутъ вѣровать въ Бога, ибо первые Его чувствуютъ по внутреннему убѣжденію, а послѣдніе постигаютъ полными познаніями, къ которымъ посредственные умы никогда не достигнутъ и всегда остаются во мракѣ, скрывающемъ отъ нихъ Бога. Вотъ почему многіе мудрецы думали, что ученіе философіи чрезвычайно пагубно для толпы.

Многіе просвѣщенные умы думали, что наука изсушаетъ сердце, разочаровываетъ природу, влечетъ слабые умы къ атеизму, и отъ атеизма къ преступленію, но что, напротивъ, изящныя искусства умягчаютъ наши души, исполняютъ насъ вѣрою въ Бога и посредствомъ вѣры побуждаютъ насъ къ исполненію добродѣтелей.

Въ вѣкъ нравственный самые пороки покрываются личинами. Въ вѣкъ безвѣрія они нагло выказываютъ чело свое. Скупость, невѣжество, самолюбіе, гордость являются въ нашъ вѣкъ въ новомъ видѣ. Прежде они были робче, прикрывались учтивствомъ и тонкостію; а теперь они къ дурнотѣ порока присоединяютъ еще дерзость и грубость; прежде они были непріятны и смѣшны; а теперь безобразны и ненавистны.

Познанія имѣютъ двѣ крайности, между собою близкія. Первая есть чистое невѣжество, природное, въ которомъ находятся всѣ люди рождаясь; другая крайность есть та, къ которой

достигаютъ тѣ великіе умы, кои протекши все, что человѣкъ познать можетъ, сознаются, что они ничего не знаютъ, и находятъ себя въ томъ же невѣдѣніи, изъ котораго они вышли; это невѣдѣніе мудро: оно знаетъ себя. Но тѣ люди, кои вышли изъ невѣжества природнаго и не достигли къ другому, имѣютъ на себѣ покровъ гордаго познанія — умовъ собою довольныхъ и составляютъ умныхъ. Эти-то люди смущаютъ умы и миръ сердца человѣческаго. *Ученый дуракъ хуже невѣжи.* (Паскаль).

Одни несчастные сострадательны. Сердце человѣка подобно тѣмъ древамъ, которыя не прежде испускаютъ цѣлебный бальзамъ свой, пока желѣзо имъ самимъ не нанесетъ язвы. Только несчастный можетъ судить несчастнаго. Сердце загрубѣлое въ счастіи не въ состояніи понимать злополучнаго.

Два предмета оживаютъ въ сердцѣ человѣка при старости его: отечество и вѣра. Какъ бы они ни были умерщвлены въ молодости, но рано или поздно воскресаютъ со всѣми своими прелестями и оживляютъ въ человѣкѣ любовь къ нимъ должную.

Строгіе, чистые нравы и благочестивая мысль еще болѣе нужны въ союзѣ съ музами, чѣмъ геній.

Шатобріанъ, сравнивая мѣста Омера съ библейскими, — «вотъ, говоритъ, красоты, которыя изъ вѣка въ вѣкъ утвердили Омеру первое мѣсто между геніями величайшими. Нѣтъ стыда его памяти, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ побѣжденъ людьми, писавшими подъ внушеніемъ неба».

Безпредѣльная обитель смерти, въ тебѣ великіе лежатъ подлѣ малыхъ; республики совершеннаго равенства въ тебя не входятъ, не сброся своего шлема или діадемы, чтобы пройти чрезъ низкую дверь смерти.

Удивительный духъ царствуетъ въ наше время между народами Европы. Недовольные настоящимъ, они не предвидятъ

ничего, кромѣ перемѣнъ и революцій. Мрачныя и кровавыя времена прошедшаго повергли людей въ родъ безумія, въ которомъ истощенная душа мучится видѣніями. Кто будетъ внимательно наблюдать современниковъ, тотъ увидитъ въ нихъ удивительную смѣсь подлости и дерзости, безбожія и суевѣрія, жестокости и сентиментальной нѣжности, разврата и набожности, холодности и романическаго изступленія. Они не знаютъ, во что имъ одѣться, въ доспѣхи ли рыцарей, въ рясу ли монаховъ, или въ тогу римскую? Они испытали быть всѣмъ, выключая того, чѣмъ имъ быть надлежитъ. Истинное имъ кажется слишкомъ обыкновеннымъ, простое — низкимъ и ветхимъ, и вкусъ ихъ находитъ пріятность въ одномъ томъ, что чрезмѣрно (Гизо).

Послѣ жестокихъ временъ безбожія и безнравственности, какое новое поприще ожидаетъ подвигоположниковъ вѣры! Сколько трудовъ и славы! Сколько заблужденій, народныхъ раздоровъ, слезъ и язвъ, сколько несчастій, которыя всѣ требуютъ цѣлебнаго бальзама религіи. Никогда религія не имѣла большихъ надеждъ и блистательнѣйшаго жребія. Перерожденный міръ требуетъ втораго благовѣствованія Евангелія; христіанизмъ возрождается и исходитъ побѣдительный изъ страшной борьбы, въ какую когда либо адъ ввергалъ его. Кто знаетъ—то, что мы приняли за паденіе Церкви, не есть ли ея возстановленіе. Она погибала въ бездѣйствіи и праздности; она не вспоминала о крестѣ: крестъ явился, она будетъ спасена.

Никто не отвергаетъ Бога, кромѣ тѣхъ, которымъ не нужно, чтобъ существовалъ Онъ.

Есть драмы, которыя раздираютъ сердце, но совсѣмъ иначе нежели Эвмениды, Федра или Эдипъ. Тотъ еще не великій писатель, кто не учитъ душу. Одна прекрасная поэзія извлекаетъ пріятныя слезы, и онѣ пріятны только тогда, если съ ними сливается чувство удивленія и горести. Музы — дѣвы небесныя; онѣ не

обезображиваютъ лицъ своихъ кривляніями и конвульсіями; если онѣ плачутъ, то всегда съ тайнымъ намѣреніемъ, чтобъ украсить свои прелести.

Если при переводѣ Иліады мои дарованія несоразмѣрны были съ моимъ усиліемъ, то по крайней мѣрѣ оно покажетъ, *сколько я чувствовалъ важность* труда моего.

Знаніе и чувствованіе красотъ искусства покупается дорогою цѣною.

Великія происшествія, какъ и великіе предметы, гораздо менѣе удобны, нежели какъ думаютъ, возродить великія идеи; ихъ величіе такъ сказать очевидно, и все что прибавятъ къ дѣлу — уменьшаетъ его. Nascitur ridiculus mus.

Душа, прелестная душа сына моего! Отецъ твой тебя нѣкогда создалъ на устахъ моихъ своимъ поцѣлуемъ.

Дитя безъ невинности есть цвѣтокъ безъ благовонія.

Нѣтъ страстей болѣе опасныхъ, какъ тѣ, которыя имѣютъ низкія начала; онѣ чувствуютъ эту низость и становятся неистовыми. Онѣ стараются прикрыть себя и дѣлами, внушающими страхъ—дать себѣ родъ ужаснаго величія, котораго недостаетъ имъ отъ начала. Это доказала Французская революція.

Науки изсушаютъ сердце, разочаровываютъ жизнь, влекутъ слабый умъ къ атеизму и отъ атеизма ко всѣмъ злодѣйствамъ. Изящныя искусства, напротивъ—очаровываютъ наши дни, смягчаютъ сердца, исполняютъ насъ вѣрою къ Божеству и посредствомъ вѣры ведутъ ко всѣмъ добродѣтелямъ (Гиббонъ).

Воображеніе есть способность, которую такъ же надобно питать, какъ и умъ.

Умъ и геній блистаютъ въ вѣкахъ въ равныхъ мѣрахъ; но въ этихъ вѣкахъ видимъ мы только нѣкоторые народы и у народовъ только нѣкоторое мгновеніе, когда вкусъ блистаетъ во всей чистотѣ; прежде этого мгновенія, послѣ этого мгновенія всѣ погрѣшаютъ или недостатками или чрезмѣрностями. Вотъ отчего творенія превосходныя такъ рѣдки, ибо надобно, чтобъ они были произведены въ сіи счастливые дни сочетанія вкуса и генія. Но сія великая встрѣча, какъ нѣкоторыхъ звѣздъ, кажется, случается только послѣ многихъ вѣковъ и продолжается — мгновеніе.

Я люблю болѣе искать красотъ, чѣмъ считать ошибки сочиненія. Люблю лучше возвышать человѣка передъ человѣкомъ, нежели унижать его. Притомъ же, болѣе можно научиться удивленіемъ, нежели отвращеніемъ; первое пробуждаетъ въ васъ присутствіе генія, а послѣднее ограничивается, чтобы открывать недостатки, всѣмъ почти видимые. — Въ одномъ прекрасномъ порядкѣ неба чувствуютъ Божество, а не въ нѣкоторыхъ безпорядкахъ природы.

Чтó мы выигрываемъ для познанія, теряемъ для чувства. Истины геометрическія убили многія истины для воображенія, болѣе, нежели думаютъ, важныя для нравственности. Съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ сдѣлалъ путь вокругъ земного шара, для него исчезли неизъяснимыя очарованія. Для него уже не существуетъ неизвѣстнаго, безпредѣльнаго, нѣтъ уже дивнаго terra ignota, terra immensa!

Истинное и благодѣтельное просвѣщеніе всѣхъ состояній рода человѣческаго тогда только совершится, когда человѣкъ будетъ видѣть и почитать въ превосходствѣ познаній одну выгоду — быть полезнымъ несчастнымъ.

При началѣ искусствъ и художествъ у древнихъ и при возрожденіи ихъ у новыхъ — артисты старались болѣе объ отдѣлкѣ,

нежели о красотѣ или гармоніи цѣлаго. Объ нихъ вообще можно сказать, что̀ Аристотель говоритъ о первоначальной драмѣ, что она блистала истиною выраженій и искусствомъ говорить гораздо прежде, нежели устроила планъ предмета. Слова и дарованіе сочинять рѣчи есть то же, что въ художествѣ механизмъ искусства и ловкость въ отдѣлкѣ. При возрожденіи искусствъ у новѣйшихъ народовъ, произведенія первыхъ художниковъ, весьма далекія отъ истинной красоты, окончены съ терпѣніемъ невѣроятнымъ; между тѣмъ какъ ихъ послѣдователи, Михель-Анжъ и Рафаэль, слѣдовали правилу, какое Роскомонъ даетъ поэтамъ: *сочиняйте съ огнемъ и производите съ хладнокровіемъ.*

Характеръ, стиль древняго Винкельманъ описываетъ сими краткими опредѣленіями: Рисунокъ былъ сильный, но жесткій; онъ былъ смѣлъ, но безъ пріятности; сила выраженія въ немъ вредила красотѣ цѣлаго. Однакоже, поелику искусство въ эти отдаленныя времена было посвящаемо для однихъ героевъ и боговъ, которымъ похвала, какъ говоритъ Горацій, слишкомъ высока для сладкихъ звуковъ лиры, то можно думать, что эта самая жесткость способствовала величію изображеній. Искусство въ эти вѣка было строго, какъ правосудіе древнихъ временъ, которое карало смертію малѣйшее преступленіе.

Народъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ права роптать, но вѣрно онъ имѣетъ право молчать; и его молчаніе есть урокъ для царей.

Не амбра ли ты? сказалъ Саади куску глины, съ земли его подымая.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я простая земля, но нѣсколько времени жилъ съ розою.

Нѣтъ людей благодарнѣе тѣхъ, которые одолжать себя позволяютъ не охотно.

Четверть любви съ тремя четвертями дружбы составляютъ счастливѣйшее соединеніе душъ. Такъ думаетъ опытный мудрецъ; а поэтъ вотъ какъ думаетъ:

Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вакху часъ и сну другой;
Остальною жъ половиной (дня)
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой.

Платонъ и Пиѳагоръ имѣли причину сказать, что старость не близка къ смерти; она близка къ началу жизни счастливой.

Подражаніе образцовымъ писателямъ поэзіи французской было несчастливо въ Германіи. Лессингъ почувствовалъ опасность упорствовать въ усиліяхъ, до его времени безплодныхъ; онъ получилъ отвращеніе къ образцамъ, съ которыми не могли у нихъ сравняться, и уничижилъ ихъ, чтобъ отвратить соотечественниковъ. Какъ лисица басни, онъ увѣрилъ ихъ, что виноградъ зеленъ и не стóитъ труда, чтобы доставать его.

Славный *Лопесъ де-Вега* признавался, что онъ держалъ за ключемъ творенія древнихъ, дабы не стыдиться ихъ такъ часто въ нарушеніи правилъ вкуса, когда сей сочинитель принужденъ былъ сообразоваться съ обычаями *своего* времени. За то Лопесъ де-Вега и былъ славенъ только въ *свое* время и *въ своемъ* народѣ. Онъ писалъ не для потомства, не для человѣчества, какъ Гомеръ, Виргилій, Расинъ.

Есть люди (и таковъ мой почтенный сосѣдъ), которые, не имѣя понятія объ лучшемъ состояніи общества или правительства, съ гордостью утверждаютъ, что иначе и быть не можетъ. Они согласны въ томъ, убѣждаяся очевидностями, что существующій порядокъ соединенъ съ большимъ зломъ; но утѣшаютъ себя мыслію, что другой порядокъ невозможенъ. — Сосѣду моему вспоми-

налъ я того императора японскаго, который едва не умеръ со смѣху, когда ему разсказывали объ образѣ правленія въ Голландіи. Но сосѣдъ остался непоколебимъ какъ ирокезецъ, который понять не можетъ, что можно было побѣждать враговъ, не жаря плѣнныхъ.

Въ поэзіи, какъ и во всѣхъ изящныхъ искусствахъ, при какомъ-либо произведеніи должно сначала имѣть цѣль, а потомъ искать средствъ какъ лучше произвести. Теперь, напротивъ—сначала ищутъ средствъ, а намѣреніе удовлетворить своему желанію принимаютъ за цѣль.

Если въ исторіи Екатерины II будетъ разорвана первая страница жизни ея, это будетъ исторія истинно великой государыни.

Законы разума вѣчны, неизмѣнны; онъ не временщикъ, котораго можно подкупить или обольстить; онъ не возмутитель, способный къ покорности за какія-нибудь ничтожныя уступки.

Самые высокіе и твердые умы должны производить низости и уродливости при отверженіи отъ своей свободы:

«Насъ рабство подъ твоей державой возвышаетъ» —

воскликнулъ Ломоносовъ Елизаветѣ.

Деспотизмъ и свобода—это два вѣчно враждебные исполина, ведущіе брань вѣчную, жертвами которыхъ всегда будутъ народы.

Наши старинныя повѣсти, стихотворенія, наши народныя пѣсни, которыхъ богатствомъ и истинно народнымъ поэтическимъ духомъ мы можемъ передъ другими народами хвалиться, а особенно геніальная, своеобразная Пѣснь о полку Игоревѣ, во многихъ отношеніяхъ важны исторически; сіи пѣсни, безъ сомнѣнія, суть хотя слабый и неопытный отголосокъ поэзіи прежнихъ вре-

менъ, достойны самаго рачительнаго вниманія и сбереженія, требуютъ обрабатыванія осторожнаго и благоразумнаго.

Въ настоящее время, когда народы европейскіе, по безпрерывнымъ сношеніямъ и сближеніямъ своимъ, сливаются, такъ сказать, въ одну націю, народъ, одаренный чувствами сильными и характеромъ мощнымъ, едва ли въ состояніи образовать литературу своеобразную, литературу истинно національную, а особенно если онъ съ самаго возрожденія общества и литературы, направленный правительствомъ и писателями, всегда и исключительно предпочитаетъ языкъ чужой и поклоняется образцамъ иноземнымъ.

Пусть толпа пристрастныхъ писателей оскорбляетъ дарованія, безславитъ ихъ память: судъ выше ихъ всегда будетъ существовать между людьми.

Благородство, или то, что мы называемъ достоинство, la dignité, становится въ продолженіе времени свойствомъ, которое переходитъ въ кровь, и отъ нея во всѣ движенія — и облагораживаетъ ихъ. Еслибъ Людовикъ XIV или Екатерина II до того разсердились, что хотѣли бы бить своихъ слугъ, нѣтъ сомнѣнія, что ихъ пріемы и жесты были бы отличны отъ движеній сапожника или кухарки, которые, разсердясь, бьютъ работницу. Я говорю это въ доказательство, что для изображенія наружнаго и выраженій внутреннихъ человѣка обществъ образованныхъ и состояній высшихъ, не можетъ и не должна руководствовать ни писателя, ни артиста одна *простая природа*; съ выраженіемъ одной простой природы сердитый Людовикъ XIV ничѣмъ не отличится отъ простолюдина.

Жизнь есть басня, дуракомъ разсказываемая громкими словами и съ важными жестами, которые сами по себѣ ничего не значатъ.

Плоды земные предвозвѣщаются цвѣтами, а благодѣянія людей ласками.

Желая быть для людей полезнымъ, сначала умѣй быть пріятнымъ.

Кто почитаетъ мои достоинства — хвалить меня не будетъ; ибо похвала на языкѣ, а почтеніе въ сердцѣ.

Для меня подлость есть презрѣннѣйшій порокъ человѣка.

Я видѣлъ людей столько слабыхъ, что они хвалятъ все, чтобы не оскорбить никого, и людей столько упорныхъ, что они бранятъ все, хотя бы оскорбляли весь свѣтъ. Между такою слабостію и упорствомъ есть средина, которая имени на нашемъ языкѣ не имѣетъ, ибо весьма мало людей умѣютъ найти ее.

У насъ также нѣтъ названія чувству, противоположному зависти, тому благородному негодованію, которое они ощущаютъ, когда воздаютъ похвалы или награды людямъ недостойнымъ.

Едва ли хорошо такое правленіе, въ которомъ каждый гражданинъ имѣетъ свободу повелѣвать, и стало-быть каждый гражданинъ можетъ быть тираномъ. Таково правленіе республиканское. Его-бы лучше называть: *правленіе своевольное.*

На всей землѣ отъ начала міра играется одна и та же комедія, только перемѣняются актеры.

Когда Діонисій Сиракузскій началъ слѣпнуть отъ пьянства, то и всѣ придворные притворялись ослѣпшими. Думаю для того, чтобъ не видѣть своей подлости.

Истинная философія есть та, которая учитъ насъ быть (сколько можно на землѣ) счастливыми. Такою философіею можетъ назваться одно ученіе Сократа и его послѣдователей. Онъ

увидя изъ опытовъ, что все наше благополучіе зависитъ отъ соблюденія должностей въ отношеніи къ Богу и себѣ подобнымъ, заключилъ, что единственное познаніе, нужное для человѣка, есть познаніе сихъ должностей, и что единственное занятіе достойное философа есть научать сему познанію. Такимъ образомъ философія древнихъ, рожденная любовію къ человѣчеству, имѣла въ предметѣ одну пользу человѣческаго рода. Какая разница между философіею древнею и новою? Послѣдняя, вознесшись за предѣлы естества, устремилась къ умозрѣніямъ отвлеченнымъ, къ изысканіямъ безплоднымъ, которыя только служатъ или къ заблужденіямъ или къ удовлетворенію безпокойнаго любопытства и которыя часто разрушаютъ истины, необходимо нужныя для спокойствія обществъ. И сіи-то порывы неистоваго ума тщетно желающаго прейти предѣлы, положенные ему природою, называютъ нынѣ *любовію къ мудрости*; и сіе-то суемудріе, порожденное безумнымъ тщеславіемъ, имѣющимъ въ виду одно честолюбіе—блистать дерзостію ума—преподаютъ нынѣ какъ науку философіи. О, Сократъ! твоя философія поддержала въ Аѳинахъ колебавшіеся нравы и законы; а философія Волтеровъ и Кантовъ разрушила ихъ во всей Европѣ; твое ученіе произвело божественнаго Платона, а наше—дьявольскаго Наполеона.

Мудрость государя не въ томъ состоитъ, чтобы издавать новые законы, но чтобы хранить старые, и такимъ образомъ дѣлать ихъ для народа священными.

Счастіе и несчастіе народовъ Ксенофонтъ приписываетъ благопріятству или гнѣву боговъ; Ѳукидидъ причину народныхъ несчастій видитъ въ погрѣшностяхъ государей или полководцевъ. По мнѣнію перваго, общества хранятся благочестіемъ; по мнѣнію послѣдняго—благоразуміемъ. Съ послѣднимъ я болѣе согласенъ; ибо есть примѣры, что и благочестивый народъ погибалъ, и въ наше время едва не погибъ отъ безумія государей.

Знаменитыя дѣла нынѣ весьма рѣдки не потому, что люди способные къ нимъ стали рѣдки, а потому, что неспособные не

пускаютъ ихъ къ тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ дѣлать оныя можно.

Не такъ опасны удары друга, какъ поцѣлуи врага.

У глупаго сердце въ устахъ, а у благоразумнаго уста въ сердцѣ.

Благодарности надобно учиться у земли, возвращающей сторицею.

Не принимай отъ того благодѣянія, кому не въ состояніи воздать благодѣяніемъ.

Чѣмъ менѣе мы имѣемъ нуждъ, тѣмъ болѣе приближаемся къ Божеству.

Кто беретъ на себя государственную должность, не имѣя на то способностей, тотъ безчестнѣе и виновнѣе разбойника: онъ погубляетъ государство.

Не открывай невѣждѣ заблужденія; его счастіе состоитъ въ томъ, чтобы не знать себя.

Женщинъ никто столько не бранитъ, какъ Соломонъ; послѣ него грѣхъ будетъ хвалить ихъ.

Человѣкъ дѣлаетъ зло не отъ слабости, какъ многіе думаютъ, но отъ невѣжества; ибо онъ отвергнулъ бы зло, еслибъ почиталъ его таковымъ.

Каждая добродѣтель есть познаніе, просвѣщеніемъ пріобрѣтаемое; всѣ же добродѣтели суть мудрость, а пороки — невѣжество.

Кто отнимаетъ у меня деньги, тотъ по крайней мѣрѣ самъ обогащается, а кто лишаетъ меня добраго имени, тотъ и самъ ничего не получаетъ, и меня дѣлаетъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ.

Заниматься украшеніемъ стиховъ, не думая о планѣ, то же, что думать о краскахъ, не занимаясь рисункомъ; какъ бы ни были

живы краски, но произведутъ мало дѣйствія безъ правильныхъ рисунковъ, смѣло и легко сдѣланныхъ.

Дѣйствіе Иліады начинается гнѣвомъ Ахилла; оно продолжается въ безчисленныхъ несчастіяхъ, какія производитъ удаленіе Ахилла отъ брани, и оканчивается тѣмъ, когда онъ смягчается слезами Пріама.

Если есть въ Иліадѣ несовершенства, они похожи на неправильность природы, которая, несмотря на несовершенства, нашему невѣжеству такими представляющіяся, очамъ внимательнымъ кажется всегда великою.

Въ поэзіи грековъ никто превзойти не можетъ; могутъ усовершенствовать или преобразовать форму ея, ибо искусству границъ опредѣлить не можно; но никогда уже не будутъ въ силахъ, какъ они, описывать чувства природы, ибо природа не имѣетъ двухъ языковъ.

Не надобно обвинять несчастныхъ, когда они жалуются на судьбу или на Бога: это одно ихъ утѣшеніе.

Отчего умные люди, всегда презираемые богачами, оказываютъ имъ уваженіе? Оттого, что первые знаютъ свои нужды, а послѣдніе не знаютъ.

Боги продаютъ намъ счастіе за цѣну нашихъ трудовъ.

Горе покушающемуся поднять покровъ съ природы и горе поднимающему покровъ съ общества.

Излишній умъ и излишняя добродѣтель столько же погубны, какъ и излишнія наслажденія.

Получившій благодѣяніе будетъ всегда о немъ помнить, если сдѣлавшій его о немъ забудетъ.

Истинное счастіе есть непрерывная дѣятельность, непрерывное усиліе; слѣдовательно оно можетъ обитать только въ такой душѣ, которая посвятила себя народному благу и славѣ.

Въ ревностномъ исполненіи обязанностей къ Богу и къ людямъ заключается та мудрость, которую мы, какъ говоритъ Платонъ, возлюбили бы всѣмъ сердцемъ, еслибы красота ея вполнѣ открылась взорамъ нашимъ.

Почтеніе къ самому себѣ есть наилучшее изъ преимуществъ, человѣчеству дарованныхъ, чистѣйшая нужда души честной, сладостнѣйшее утѣшеніе души чувствительной; безъ него нельзя быть другомъ самому себѣ; съ нимъ можно обойтися безъ почтенія другихъ людей, если они по своей несправедливости откажутъ намъ въ ономъ.

Мы любимъ избирать друзей въ нисшей отъ насъ степени или для того, что больше надѣемся на ихъ снисхожденіе, или для того, что ласкаемся болѣе быть отъ нихъ любимыми. Но какъ дружба требуетъ равенства, то и должно искать друзей ни въ слишкомъ возвышенномъ, ни въ слишкомъ униженномъ отъ нашего состояніи.

Весьма осторожно надобно вступать въ союзъ съ людьми, имѣющими одинакія съ нами исканія въ славѣ и счастіи.

Легко дружащіеся не могутъ быть ни чьими друзьями; они стараются только нравиться.

Въ выборѣ друга надобно менѣе полагаться на разумъ, нежели на сердце; оно рѣшитъ скорѣе и несомнительнѣе.

При жизни нашихъ друзей должно имѣть о нихъ такое же мнѣніе, какое мы имѣли бы послѣ ихъ смерти.

Но въ нашихъ вѣкахъ дружбы уже не существуетъ: она замѣнилась связью знакомства, основывающейся однакожъ на почтеніи и взаимныхъ склонностяхъ.

Поэзія имѣетъ языкъ особенный; она любитъ украшаться богато и великолѣпно, но всегда со вкусомъ. Она беретъ всѣ цвѣты природы и щедро ихъ разсыпаетъ; ее прощаютъ за самую расточительность. Она присвоила себѣ множество словъ въ прозѣ непозволительныхъ, вводитъ новыя; имѣетъ исключительное право принимать старыя, или употребительныя въ языкѣ чужестранномъ, выражать многія слова однимъ, располагать ихъ новымъ порядкомъ, и наконецъ позволяетъ себѣ многія вольности, отличающія слогъ стихотворный отъ языка обыкновеннаго.

Если бѣдность не есть порокъ, такъ причина пороковъ, къ которымъ бѣдные принуждены иногда прибѣгнуть.

Государи составляютъ себѣ похвальное слово гораздо лучше, нежели сочиняютъ его писатели.

Какого бы достоинства ни было сочиненіе, какими бы красотами оно ни изобиловало, если нѣтъ въ немъ *приличія* (decorum, πρέπον), оно не имѣетъ самаго нужнѣйшаго къ тому, чтобы быть совершеннымъ и чтобъ нравиться. Сіе приличіе есть чувствованіе всего, что пристойно и что непристойно лицу, времени и обстоятельствамъ говорящаго. Его-то недостаетъ у всѣхъ нашихъ молодыхъ писателей; они все спускаютъ съ пера, что имъ входитъ въ голову, не удерживаясь приличіемъ, не думая у мѣста или не у мѣста, въ пору или не въ пору ихъ рѣчи, хотя они сами по себѣ и имѣютъ красоты. Отъ незнанія сего *приличія*, такъ названнаго древними, и нынѣ называемаго *вкусомъ*, происходятъ грубыя слабости у нашихъ писателей. И Ж(уковскій?) исполненъ ими, несмотря на прекрасное дарованіе.

Вкусъ надобно пріобрѣтать или образовать въ хорошемъ обществѣ; тамъ онъ царствуетъ, тамъ должно ему научаться. Но гдѣ жъ его нашелъ и гдѣ ему научился Омеръ и Эзіодъ? Ученіе, ученіе и опытъ — вотъ вѣрнѣйшія средства къ образованію вкуса.

Каждый изъ насъ имѣетъ свой особый характеръ, особую физіономію; такъ и каждый писатель имѣетъ свой особый способъ писать.

Всѣ живописцы употребляютъ однѣ краски, но составляютъ каждый по своему способу. Писатели то же: употребляютъ одни и тѣ же слова, и отличаются другъ отъ друга способомъ ихъ расположенія. Отсюда происходитъ три рода слога: важный (austère), легкій или цвѣтущій и третій, который должно положить между двумя первыми, средній или общій. Не знаю, какъ опредѣлить его: исключеніемъ ли изъ обоихъ, или соединеніемъ обоихъ? Но лучше думаю сказать, что умѣряя крайность перваго и усиливая второй, образуетъ сію оттѣнку или средину между двумя крайностями. Впрочемъ, опредѣлить сіе вѣрно не такъ легко, какъ въ музыкѣ, гдѣ средняя струна въ равномъ разстояніи отъ верхней и нижней.

Слогъ важный любитъ слова громкія, полныя и длинныя, сильно поражающія слухъ, которыя бы, такъ сказать, издали видимы были; онъ мало заботится объ ихъ жесткости. Ходъ его важенъ и быстръ. Онъ не думаетъ о теченіи періодовъ; употребляетъ самыя сильныя, самыя ощутительныя риѳмы; но не старается, чтобы члены были равны, ни чтобъ симметрически соотвѣтствовали другъ другу. Напротивъ, онъ хочетъ, чтобы они были просты, свободны, сильны, происходящіе болѣе отъ природы, нежели отъ искусства, внушенные живостію чувства, чѣмъ медленностію разсужденія. Онъ не употребитъ лишняго слова, чтобы округлить періодъ, не заботится приготовить ему блистательное окончаніе, стараніемъ выдѣланное, и вѣрно размѣренное съ дыханіемъ человѣческимъ. Онъ пренебрегаетъ всю эту искусственность и не утомляетъ себя примѣчаніемъ симметрическихъ согласій въ періодахъ. Но, напротивъ, отрывистъ въ паденіяхъ, дерзокъ и обиленъ въ фигурахъ, безъ связей, часто безъ порядка, почти безъ цвѣтовъ, гордъ и высокъ, онъ пренебрегаетъ украшеніе, или лучше сказать украшаетъ себя суровымъ архаизмомъ, симъ родомъ *праха* (πίνος) или древняго лака. Сей

πίνος, лакъ для тѣхъ, которые чувствуютъ красоты древнихъ языковъ, есть вкусъ, духъ древняго слога. Цицеронъ радуется и поздравляетъ себя, находя въ письмахъ своего сына характеръ сего слога, litterae πεπινώμενοις scriptae; можно, говоритъ онъ, подражать всему остальному, но сей древній вкусъ, πίνος, пріобрѣтается изученіемъ. Litterarum doctiorem significat.

Многіе греческіе писатели любили сей родъ слога: Пиндаръ, Ѳукидидъ, но всѣхъ болѣе Эсхилъ, который, по моему мнѣнію, есть образецъ сего слога. Онъ въ семъ родѣ писателей всѣхъ болѣе важенъ, силенъ и суровъ; но самая суровость его величественна и пріятна, небрежность благородна. Теченіе его тяжело, гармонія медленна и какъ бы останавливаема собственною своею тяжестію. Онъ не имѣетъ ни искусственныхъ прелестей, ни украшеній блестящихъ: вездѣ въ немъ разлито сіе грозное величіе, сей вкусъ древній и суровый.

Слогъ легкій и цвѣтущій отвергаетъ все то, чего требуетъ слогъ важный: онъ не любитъ словъ громкихъ и высокихъ, оборотовъ твердыхъ, паденій и разстановокъ отрывистыхъ, теченія важнаго и медленнаго. Онъ, напротивъ, старается, чтобы слова соединялися съ легкостію, чтобы влеклись одни за другими, и, не оставляя никакой пустоты между звуками, текли безпрерывно, какъ струи потока. Его можно сравнить съ шелковою тканью, испещренною золотомъ, или съ картиною, которой блестящія краски еще болѣе отражены тѣнями. Слогъ сей ищетъ словъ сладкозвучныхъ, мягкихъ, нѣжныхъ, подобныхъ прелестямъ дѣвы (παρθένωπα); онъ не только соединяетъ слова со словами, но съ большимъ стараніемъ связываетъ члены съ членами, тянетъ ихъ ни больше, ни меньше, сколько требуетъ время, и каждый періодъ соразмѣряетъ съ дыханіемъ человѣческимъ. Окончанія жъ періодовъ, всегда многочисленныхъ, упадаютъ какъ свинецъ при ихъ точкѣ. Онъ съ періодами дѣлаетъ совсѣмъ противное, нежели со словами: слова онъ соединяетъ, можно сказать, въ одно тѣло, а періоды раздѣляетъ и хочетъ, чтобы они, какъ съ высоты, каждый порознь были видимы. Фигуръ, которыя имѣютъ

духъ древности, какую либо важность, суровость или видъ праха (πίνος), онъ отвергаетъ; но любитъ пріятныя, нѣжныя, которыя имѣютъ въ себѣ какъ можно болѣе украшенія, какъ можно болѣе театральной пышности. Короче, онъ совершенно противуположенъ слогу суровому. Сафо, Анакреонъ и многіе греческіе писатели отличались въ семъ родѣ слога; а болѣе всѣхъ Исократъ. Но поелику слогъ сей (который, какъ увидимъ, не есть еще лучшій) болѣе другихъ обольстителенъ для молодыхъ писателей, любящихъ блестящія украшенія, то и не удивительно, что къ нему наиболѣе прилѣпляются начинающіе упражняться въ словесности, и естественно, что въ семъ слогѣ скорѣе, нежели въ другомъ, впадаютъ въ крайность, гоняясь за блескомъ и гармоніею и больше занимаясь чистотою, нежели истиною выраженій. Что и случилось съ знаменитѣйшимъ въ семъ родѣ слога писателемъ Исократомъ. Онъ, простирая за предѣлъ обрабатываніе слога своего, впалъ, какъ и должно послѣдовать, въ великіе пороки и навлекъ на свои сочиненія справедливыя порицанія критиковъ. Безпрестанно изыскивая гармоническія и однозвучныя слова для окончанія или начатія ими членовъ періода, какъ напр.: πλείστων, μεγίστων, αἰτίας ἀξίας, ἐκήδοντο, ἀπείχοντο, симметрически размѣряя члены, единообразно округляя періоды, разсыпая безпрестанно тропы и фигуры и всѣ свои рѣчи испещряя какъ цвѣтами, онъ до того ослабилъ слогъ свой, что его назвали юношескимъ (μειράκιον). Въ самомъ дѣлѣ, молодые люди легко могутъ ослѣпляться такимъ родомъ украшеній. Но они то же, что тѣло, украшенное искусствомъ передъ украшеннымъ природою. Исократъ это почувствовалъ, когда лѣта укрѣпили разумъ, а опытъ усовершенствовалъ вкусъ его, и въ сочиненіяхъ послѣднихъ его годовъ слогъ уже менѣе, говоритъ Діонисій Галикарнасскій, похожъ на юношество.

Сей слогъ цвѣтущій избирали почти всѣ наши писатели въ прозѣ и въ стихахъ со временъ Ломоносова; но поелику въ немъ требуется весьма великаго ученія, чтобы достигнуть до совершенства, и весьма разборчиваго вкуса, чтобы не впасть въ

крайность, то случается, что наши писатели вмѣсто слога цвѣтущаго пишутъ слогомъ *изнѣженнымъ*, котораго сладостію утомляется слухъ, а нѣжностію языкъ; въ немъ хотя каждое слово и сладкозвучно въ особенности, но согласіе общее ничего не значитъ; оно смѣшно и несносно въ устахъ человѣка; ибо лишаетъ его свойства величія, которое должно быть съ нимъ неразлучно.

Нѣтъ поприща, гдѣ бы суетность человѣческая являлась въ такихъ разнообразныхъ видахъ, какъ въ бесѣдахъ общества.

Образованіе способностей дѣтскихъ по системѣ Песталоцци доставляетъ дитяти, какого бы оно состоянія ни было — основаніе, на которомъ послѣ можно созидать или бѣдную хижину, или великолѣпные чертоги.

Чтобы одушевить повѣствованія и впечатлѣнія происшествій вѣковъ протекшихъ, надобно, чтобъ обширныя познанія спомоществовали воображенію и сдѣлали бы его, если возможно, свидѣтелемъ того, что оно изображаетъ и современникомъ того, что оно повѣствуетъ.

Философія есть наука просвѣщать людей, чтобъ сдѣлать ихъ лучшими.

Она есть всеобщая нравственность народовъ и царей, основанная на природѣ и на вѣчномъ порядкѣ.

Дѣлать зло ужаснѣе, нежели страдать отъ него.

Благородство обращается иногда въ болѣзнь у великихъ людей.

Переводить поэму въ прозѣ тоже самое, что читать музыку, вмѣсто того чтобъ играть или пѣть.

Бесѣда въ обществѣ не есть путь, по которому идутъ къ чему либо прямо, но извилистая тропинка, по которой случайно съ удовольствіемъ прогуливаются.

Идеалъ есть идея, мысль, представленная въ чувственномъ образѣ.

Творенія и идеалы древнихъ кажутся намъ мечтательными потому, что начертанныя ими картины природы и образы людей совершенно отличны отъ насъ окружающихъ.

Предметъ поэзіи никогда не состоялъ въ томъ, чтобъ отвлеченіямъ метафизическимъ давать образы, ибо они не имѣютъ въ себѣ ничего существеннаго; а поэзія творитъ существа, осуществляя страсти, и ими говоритъ чувствамъ.

Не должно хвалить обычаевъ чужой земли; ибо если люди не увѣрены, что ихъ обычаи самые лучшіе, то скоро захотятъ перемѣнить ихъ.

Омеръ—вотъ имя, пережившее царства и давшее безсмертіе временамъ и странамъ, на которыхъ и самыя развалины забыты.

Тѣ, которые говорятъ, что Гомера не было, ничего болѣе не доказываютъ, кромѣ того, что есть нѣкоторые странные умы, которые находятъ удовольствіе въ опроверженіи общихъ мнѣній.

Отъ актеровъ требуютъ природы, но достигнуть ея—выразить ее — иначе невозможно, какъ посредствомъ величайшаго искусства.

Ямбъ всѣхъ размѣровъ ближе къ обыкновенной (прозаической) рѣчи. Это доказывается тѣмъ, что ямбы у насъ весьма часто вырываются въ рѣчахъ разговорныхъ; экзаметры напротивъ, т. е. дактили, чрезвычайно рѣдко, и то въ такомъ только случаѣ, когда мы выходимъ изъ обыкновенной рѣчи (Aristot., Poet., Cap. IV).

Драма въ отношеніи къ трагедіи есть то же, что восковыя фигуры къ статуямъ; въ нихъ нагая истина и никакого идеалу: въ нихъ слишкомъ много — какъ въ произведеніяхъ искусства, и всегда будетъ мало, чтобы это была природа.

Восторгъ есть жертва земли небесамъ; онъ соединяетъ небо съ землею.

Послѣдователи французскихъ драматическихъ правилъ полагаютъ, что интересъ драмы не можетъ болѣе существовать, какъ скоро нѣтъ уже болѣе неизвѣстности или сомнѣнія для зрителя. Но почему не могутъ быть такъ же занимательны чувства лицъ, которыя они испытываютъ, какъ и происшествія, которыя съ ними случаются? Можно также съ удовольствіемъ видѣть положеніе, оконченное какъ происшествіе, но которое продолжается еще, какъ страдательное. Должно имѣть гораздо болѣе поэзіи, болѣе чувствительности, болѣе истины въ выраженіяхъ, чтобъ колебать сердца въ покоѣ дѣйствія, нежели тогда, какъ оно возбуждаетъ безпокойство, безпрестанно возрастающее. Едва обращаютъ вниманіе на слова въ то время, когда дѣйствіе держитъ насъ въ недоумѣніи; но когда все молчитъ, кромѣ страданія, когда мы не ожидаемъ никакихъ уже перемѣнъ, и когда весь интересъ истекаетъ единственно изъ того, что происходитъ въ душѣ, тогда самая легкая тѣнь принужденности, неумѣстное слово поразитъ насъ какъ фальшивый звукъ въ простомъ голосѣ задумчивой пѣсни. Тогда все должно стремиться прямо къ сердцу. Такимъ образомъ въ 5 дѣйствіи Маріи Стуартъ, трагедіи Шиллера, гдѣ цѣлое это дѣйствіе основано на положеніи уже рѣшенномъ—сіе спокойствіе горести, которое рождается отъ лишенія самой надежды, производитъ движенія самыя истинныя и самыя глубокія. Сіе торжественное спокойствіе заставляетъ зрителя, какъ и жертву, войти въ самого себя и испытывать въ себѣ все то, что возбуждаетъ несчастіе.

Новыя введенія въ художествахъ и словесности тѣми только могутъ быть хорошо судимы и принимаемы, которые въ искусствахъ отличаются такъ сказать юностію души, ищущей новыхъ удовольствій.

ЧЕЛОВѢКЪ НРАВЯЩІЙСЯ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Чтобъ нравиться въ обществѣ, нужны познанія, не свѣдѣнія, тонкость ума, а не сила. Совершенство человѣка, который нравится, состоитъ болѣе въ пристойномъ тонѣ, нежели въ изящномъ вкусѣ, болѣе въ пріятности, нежели въ красотѣ, болѣе въ умѣ, нежели въ дарованіи, и особенно болѣе въ гибкости характера, нежели въ быстротѣ ума. Кто хочетъ пріобрѣсть право на имя любезнаго, тотъ долженъ умѣть поработить всѣ душевныя свойства одному желанію нравиться. Отъ этого женщины болѣе мужчинъ успѣваютъ въ этомъ искусствѣ, ибо оно удовлетворяетъ ихъ постоянной склонности. Отъ этого люди подвластные разуму или лучше сказать душѣ, составляющей ихъ разумъ, не могутъ подобно другимъ ежечасно выходить изъ себя самихъ, чтобъ отдаваться на произволъ другимъ: не умѣютъ показывать веселости или любезности ума, кромѣ тѣхъ часовъ, когда спокойствіе и радость царствуютъ въ ихъ сердцѣ, и никому, кромѣ тѣхъ людей, которыхъ они любятъ.

Пріятность, изящность (l'élégance) для украшенія есть то же, что прелесть, грація, для красоты. Пріятность не состоитъ въ самомъ украшеніи, въ самомъ уборѣ, и уборъ не можетъ быть пріятенъ, если онъ не вышелъ изъ рукъ хорошаго вкуса. Пріятность можетъ быть такъ же названа граціею украшенія.

Эпическая поэма, сіе удивительное твореніе — кажется, не можетъ быть произведеніемъ нашихъ вѣковъ, и можетъ-быть одна Иліада отвѣтствуетъ совершенно идѣѣ, какую имѣютъ о семъ родѣ творенія. Для эпической поэмы нужно особенное стеченіе обстоятельствъ, которое только и случилось у Грековъ: геній вѣковъ героическихъ и совершенство языка вѣковъ образованныхъ. У насъ въ среднихъ вѣкахъ воображеніе было сильно, но языкъ несовершенъ; въ наши дни языкъ обработаннѣе, но вообраafженіе разслаблено и испорчено. Мы имѣемъ хорошіе образцы

риѳмическихъ стихотвореній, но стопы и риѳмы можно ли называть поэзіей?

Эпическая поэма не есть произведеніе человѣка; самые вѣка, такъ сказать, ее созидаютъ. Религія, нравы, духъ времени, наконецъ цѣлость существованія народа—не могутъ быть приведены въ дѣйствіе иначе, какъ однимъ изъ тѣхъ великихъ происшествій, которыхъ не созидаетъ поэтъ, но которыя являются ему увеличенными, какъ призраки, тьмою временъ. Лица поэмы эпической должны совокуплять въ себѣ духъ вѣры, нравовъ и первородный характеръ цѣлаго народа. Въ нихъ должно находить истинную форму, изъ которой истекаетъ исторія.

Германцы гораздо лучше судятъ объ искусствахъ, чѣмъ ихъ производятъ въ дѣйство. У нихъ всѣ впечатлѣнія искусствъ прежде анализируютъ, чѣмъ истинно ихъ почувствуютъ. Такимъ образомъ—вкушая отъ плода древа познаній, они теряютъ невинность дарованія. Вообще германцы сильнѣе въ теоріи, чѣмъ въ практикѣ. Сѣверъ весьма мало благопріятствуетъ искусствамъ; можно сказать, что духъ наблюденія данъ ему единственно для того, чтобъ онъ былъ созерцателемъ полдня.

Германцы любятъ мракъ; они часто облекаютъ темнотою то, что свѣтло какъ день. Этому причиною любовь къ метафизикѣ, отъ которой самъ Виландъ, поклонникъ французскихъ писателей, не могъ освободиться. Новая же школа нѣмецкихъ писателей столько имѣетъ отвращенія отъ идей общихъ, что когда они принуждены ихъ вновь излагать, они облекаютъ ихъ отвлеченною метафизикою, которая даетъ имъ видъ новости до тѣхъ поръ, пока ихъ не узнаютъ. Они свои сочиненія облекаютъ облаками темноты столько, сколько имъ угодно, и у учителей ихъ всегда достаетъ терпѣнія раздвигать эти облака. Слогъ каждаго ихъ писателя совершенно отмѣненъ, и иностранцу должно имѣть новое ученіе надъ каждою новою книгою, если онъ хочетъ понимать ее. По свойству ихъ правительства, не предоставляющаго имъ вели-

кихъ и знаменитыхъ случаевъ къ славнымъ дѣламъ — они во всѣхъ родахъ предаются умозрѣнію, и не находя ничего въ настоящемъ положеніи вещей, что бы говорило ихъ воображенію, они всѣ занимаются идеалами, и въ предѣлахъ метафизическаго міра ищутъ того, въ чемъ скупая къ нимъ судьба — на землѣ имъ отказываетъ. — Истинная философія устремлена была у всѣхъ народовъ къ одной цѣли—къ изысканію или разрѣшенію истинъ полезныхъ человѣчеству. Германцы занимаются истиною собственно для нея, не думая о томъ, что́ могутъ извлечь изъ нея люди. Геній, говорятъ они, долженъ стремиться такъ далеко, какъ онъ хочетъ, забывши, кажется, священную истину — не потому, что она библейская, а потому, что есть законъ природы — *положилъ предѣлъ, его же не прейде.* Отъ того-то они, плавая въ *безконечномъ*, по возвращеніи своемъ до сихъ поръ намъ ничего не сказали.

Будучи во всѣхъ своихъ чувствахъ, такъ сказать, отуманены метафизикою, они и чувствованія свои показываютъ какъ идеи — сквозь облака. Можно сказать, что вселенная зыблется передъ ихъ очами, и предметы въ ихъ поэзіи изображаемые имѣютъ въ себѣ ту же сомнительность, какъ и взоры ихъ.

Всякое дѣйствіе и всякое происшествіе имѣетъ пять частей или степеней: начало, возрастаніе, совершенство, упадокъ и конецъ. И этотъ естественный ходъ служитъ основаніемъ пяти дѣйствій драмъ греческихъ (Винк., Т.; II, liv. VI, ch. VI).

Днѣпръ — сія величественная рѣка, повѣствуетъ, протекая, громкія дѣянія временъ древнихъ, и тѣни Святославовъ и Владиміровъ, кажется, еще скитаются по ея берегамъ высокимъ.

Ни одинъ изъ знаменитыхъ людей, мнѣ современныхъ, не вселялъ въ меня столько разнообразныхъ чувствъ, какъ Суворовъ. Я видѣлъ въ немъ идеалъ, какой составилъ себѣ о герояхъ; кромѣ этого, я находилъ въ немъ то, чего ни въ одномъ героѣ, ни но-

выхъ, ни древнихъ вѣковъ, найти не можно. Занимаясь имъ, я наполняюсь глубокимъ удивленіемъ къ совершенному искусству полководца, почтеніемъ къ славѣ героя, пла́чу при воспоминаніи доблестей великаго человѣка и помираю со смѣху отъ проказъ этого чудака!

Первый, издавшій крикъ 'о *равенствѣ*—былъ его врагъ; если это былъ человѣкъ изъ народа, онъ алкалъ золота богачей; если богачъ—онъ хотѣлъ почести вельможъ; если вельможа—жадничалъ верховной власти; и вотъ какого равенства желаютъ всѣ, о немъ вопіющіе; вотъ о какомъ равенствѣ мечтали въ 18 вѣкѣ, но мы видѣли и грозное начало и быстрый конецъ кровавымъ мечтамъ симъ. Нѣтъ равенства въ природѣ, нѣтъ его на землѣ и не можетъ быть въ обществахъ человѣческихъ.

Онъ погибъ подобно цвѣтку, который едва возникши изъ земли изсыхаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ родился, и не оставляетъ никакихъ слѣдовъ жизни кромѣ благовонія, которымъ напиталъ онъ странника.

Всегда почти отъ минуты зависитъ жизнь и участь человѣка. Ибо и послѣ долгихъ разсужденій—рѣшительность есть дѣло минуты, и человѣкъ смышленый избираетъ одно — лучшее: это голосъ чувства, надобно опасаться его заглушать, предаваясь размышленіямъ побочнымъ. Наши слѣпыя желанія часто скрываютъ предметъ желанный; дары ниспосылаются намъ свыше подъ истиннымъ ихъ образомъ. Счастливъ тотъ, кому первая, которую онъ полюбилъ — подаетъ руку и котораго желанія драгоцѣннѣйшія не изсыхаютъ тайно во глубинѣ сердца.

Я не *невѣрующій*, но не думаю, чтобы сомнѣваться въ безсмертіи человѣка значило отрицать бытіе Бога. Одна наша малозначительность и нашей земли, въ сравненіи съ безпредѣльностью, въ которой она слабый атомъ, принуждаетъ меня думать, или вѣрить, что наши притязанія на вѣчность, кажется, слишкомъ преувеличены.

Я никогда не хотѣлъ бы быть *писателемъ*, еслибъ мнѣ дали *дѣлать*. И кто захочетъ писать, если онъ можетъ дѣйствовать? Но кто и кому дастъ дѣйствовать *у насъ*?

Еслибъ я искалъ славы, я бы во-первыхъ искалъ могущества, во-вторыхъ, угождалъ такъ называемымъ требованіямъ времени и новымъ идеямъ. Но я жилъ въ мірѣ своихъ идей, хотя не совсѣмъ классическихъ, но совершенно противоположныхъ новымъ, относительно словесности и правилъ благороднаго человѣка.

Не знаю наслажденія, не *физическаго*, болѣе восхитительнаго, какъ видѣть игру хорошихъ актеровъ.

Соборъ римскій (Петра и Павла), пирамиды египетскія! — *Деспотизмъ* дѣлаетъ беззаконно великія вещи, какихъ *свобода* никогда не сдѣлаетъ законно.

Ничто въ языкахъ человѣческихъ, никакой переводъ мысли сдѣланный съ помощію красокъ, мрамора, словъ или звуковъ, не въ состояніи выразить силы, истины и быстроты чувства душевнаго.

Государства доводятся до такого положенія, что въ нихъ мыслящему человѣку ничего не можно сказать безъ того, чтобы не показаться осуждающимъ и власти, которыя это дѣлаютъ, и народъ, который это переноситъ. Въ такія времена безнадежныя должно молчать. Въ такія времена печальныя молодые люди до старости, а старые до гроба доходятъ въ молчаніи. — Или горе безразсудному, который начнетъ говорить что́ думаетъ, прежде нежели обезпечилъ себѣ хлѣбъ на цѣлую жизнь. Горе ему, если чувство добра и справедливости поселилось въ сердцѣ бѣдняка. Лицемѣріе, притворство, вотъ верховный законъ общественный для того, кто рожденъ безъ наслѣдства.

1827. Марта съ 18 на 19-е. — Видѣлъ я чудный сонъ: Кто-то, голосомъ похожимъ на Батюшкова, но съ вида мною не при-

мѣченный, разсуждалъ о деизмѣ Евреевъ и политеизмѣ Грековъ. «Какъ страненъ ходъ разума человѣческаго», такъ между прочимъ говорилъ онъ: «далеко ли жили другъ отъ друга, и почти въ одно время, Гомеръ и Іисусъ, Сынъ Сираховъ? И какая разница въ ихъ произведеніяхъ! У одного сколько словъ! Каждое собственное имя окружено эпитетомъ: холмистый, гористый; каждый герой — могучій, скорый, *быстрѣйшій*.... У другого сколько мыслей! Гомеръ болтунъ, а Сирахъ умозритель!»—Этими выраженіями я раздосадованный, пробудился.—Записываю сонъ мой почти слово въ слово.

По естественному расположенію я ласковъ, однакожъ не менѣе того и суровъ; иногда отъ того, что не доволенъ собою, иногда отъ того, что не доволенъ другими. Не доволенъ собою бываю я отъ того, что мнѣ всегда хочется достигнуть какого-то совершенства, а особенно въ стихахъ моихъ; не доволенъ другими потому, что мои свободныя, но немного строгія правила и мои пламенныя чувства не могутъ легко согласоваться съ другими.

Долго испытывая, что такое счастіе, или лучше сказать на чемъ бы хотѣлъ я основать мое счастіе, нахожу, что постоянство и однообразіе жизни, спокойствіе духа и свобода, образованность сердца и раздѣленіе чувствъ его—вотъ источники счастія, мною воображаемаго. Только воображаемаго? — Какъ я бѣденъ!

Я выросъ какъ дикое растеніе, само себѣ предоставленное.

Главный предметъ моихъ желаній — домашнее счастіе; моихъ? Едва ли это не цѣль и конецъ, къ которымъ стремятся предпріятія и труды каждаго человѣка. Но увы — я бездоменъ, я безроденъ. Кругъ семейственный есть благо, котораго я никогда не вѣдалъ. Чуждый всего, что бы могло меня развеселить, ободрить, я ничего не находилъ въ пустотѣ домашней, кромѣ хлопотъ, усталости, унынія. Меня обременяли всѣ заботы жизни домашней безъ всякаго изъ ея наслажденій.

СВѢДѢНІЯ

О СЛУЖБѢ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДАХЪ ГНѢДИЧА.

СВѢДѢНІЯ

О СЛУЖБѢ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДАХЪ ГНѢДИЧА.

Изъ дѣла (1816 года, № 17) Императорской Публичной Библіотеки.

Въ мартѣ 1800 года поступилъ въ Московскій Университетъ.

30-го декабря 1802 года по прошенію уволенъ съ аттестатомъ.

1-го марта 1803 года опредѣленъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, въ должность писца и тогда же произведенъ въ коллежскіе регистраторы.

7-го сентября 1805 года сдѣланъ младшимъ помощникомъ столоначальника.

12-го апрѣля 1811 года опредѣленъ въ Императорскую Публичную Библіотеку на вакансію помощника библіотекаря, съ оставленіемъ въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

При исправленіи въ Библіотекѣ настоящей должности, по порученію начальства, сочинилъ читанныя имъ въ трехъ торжественныхъ собраніяхъ, бывшихъ 2-го января 1814, 1816 и 1817

годовъ, два разсужденія: 1) О причинахъ, замедляющихъ успѣхи отечественной словесности; 2) О вкусѣ, его свойствахъ и вліяніи на языкъ и нравы народовъ, и 3) Поэму: Рожденіе Омера.

10-го августа 1814 года опредѣленъ въ Государственную Канцелярію письмоводителемъ.

24-го мая 1817 года по прошенію уволенъ изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія и награжденъ брильянтовымъ перстнемъ.

27-го марта 1820 года получилъ Анну 2-й ст. за труды двукратнаго приведенія въ порядокъ ввѣреннаго ему отдѣленія греческихъ книгъ и за составленіе каталога сихъ книгъ.

26-го апрѣля 1826 года утвержденъ въ званіи библіотекаря.

13-го ноября 1826 года, въ вознагражденіе за службу и въ особенности за труды въ переложеніи имъ въ стихахъ на русскій языкъ Иліады, получилъ 3,000 р. пенсіи сверхъ получаемаго жалованья.

17-го іюня 1827 года, во уваженіе къ состоянію здоровья, разстроеннаго трудами и прилежаніемъ къ наукамъ на пользу словесности, уволенъ изъ вѣдомства Государственной Канцеляріи съ производствомъ по 3,000 р. въ годъ, впредь до опредѣленія къ другой должности, силамъ его соотвѣтственной.

Въ январѣ 1830 года за поднесеніе Государю Императору печатнаго экземпляра перевода Иліады награжденъ брильянтовымъ перстнемъ.

31-го января 1831 года, по разстроенному здоровью, согласно прошенію уволенъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ (1,200 рублей).

Изъ дворянъ. Родоваго и благопріобрѣтеннаго имѣнія не имѣетъ.

Съ 1-го мая по 1-е сентября 1825 года былъ въ отпуску на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ.

Съ 9-го августа 1827 года уволенъ на годъ въ отпускъ въ южную Россію. Явился 17-го августа 1828 года. Просрочка послѣдовала по тяжкой болѣзни одного изъ его служителей, для

котораго принужденъ былъ останавливаться въ дорогѣ нѣсколько разъ по цѣлымъ суткамъ.

Въ апрѣлѣ 1818 года Гнѣдичъ подалъ прошеніе директору Библіотеки Оленину объ увольненіи въ отпускъ по родственнымъ дѣламъ, не терпящимъ отлагательствъ, на 28 дней, въ слободу Котельву (Харьковской губерніи, Ахтырскаго уѣзда). Отпускъ разрѣшенъ съ 30-го апрѣля.

Литературные труды Гнѣдича исчислены Оленинымъ въ представленіи Министру Народнаго Просвѣщенія отъ 29-го декабря 1827 года о награжденіи Гнѣдича чиномъ статскаго совѣтника безъ установленнаго экзамена.

Первыя сочиненія и переводы Гнѣдича, какъ прозою, такъ и стихами, напечатаны въ журналахъ: «Сѣверный Вѣстникъ», «Цвѣтникъ», «Драматическій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы» и другихъ періодическихъ изданіяхъ, съ 1805 по 1819 годъ.

ИЗДАННЫЕ ИМЪ ВЪ СВѢТЪ СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ.

1. *Леаръ*, траг. въ 5 д., въ прозѣ, передѣл. изъ Шекспира, Представлена въ первый разъ 1807 года. Напечат. въ Спб., въ тип. Импер. театра, 1808, 8⁰. 103 стр.

2. *Иліада*, пѣснь VII, пер. съ греческаго александрійскими стихами. Напечат. въ Спб., въ тип. Губерн. Правл. 1809. 4⁰. 24 стр.

3. *Танкредъ*, траг. Вольтера, стихами. Переведена и представл. въ 1-й разъ 1810 г. Напечат. въ Спб., въ тип. Импер. театра 1810. 8⁰. 78 стр.

4. *Иліада*, пѣснь VIII, александр. стихами, съ примѣчаніями. Напечат. въ Чтеніи Бесѣды Любителей Русск. Слова, кн. 5. Спб., въ Медиц. тип., 1812.

5. *Иліада*, пѣснь VI, гекзаметрами. Напечат. въ Чтеніи Бес. Любит. Русск. Слова. Чтеніе 13-е. Спб. при Сенат. тип., 1813.

Отрывки изъ другихъ пѣсней Иліады, имъ переведенные гекзаметрами, напеч. въ Сочиненіяхъ и переводахъ Имп. Росс. Акад., въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и альманахахъ.

6. *Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи просвѣщенія въ Россіи*, чит. 2-го янв. 1814 г. въ торж. собраніи И. П. Б. Напечат. въ Описаніи торж. открытія И. П. Библіотеки. Спб., 1814.

7. *Письмо о переводѣ и представленіи трагедіи Расина: «Ифигенія въ Авлидѣ»*. Спб., въ Импер. тип. 1815. 8⁰. 27 стр.

8. *Рожденіе Гомера*, поэма въ 2-хъ пѣсняхъ, чит. въ торж. собраніи И. П. Б. 2-го янв. 1817 г. Спб. Въ Импер. тип. 1817. 4⁰. 25 стр.

9. *Письмо о статуѣ Мира* (къ К. Н. Батюшкову). Напечат. въ Сынѣ Отеч. 1817 г., № 14, и особою книжкою. Спб., въ тип. Греча. 1817. 8⁰. 13 стр.

10. *Замѣчанія на Опытъ о русск. стихосложеніи Востокова и нѣчто о просодіи древнихъ*. Напечат. въ В. Евр. 1818, № 10 и 11, и особою книжкою. М., въ Универс. тип., 1818. 8⁰. 73 стр.

11. *Академія Художествъ*. Напечат. въ Сынѣ Отеч. 1820, № 38, 39, 40, и особою книжкою, въ тип. Греча. 1820. 8⁰. 62 стр.

12. *Пріютино*, стих. Напечат. въ С. О. и особою книжкою Спб., въ тип. Греча. 1821. 8⁰. 8 стр.

13. *Рѣчь въ полугодичномъ собраніи Вольн. Общ. Любит. Россійск. Словесности*. Напечат. въ XV ч. Трудовъ Общества и особою книжкою. Спб. Въ тип. Импер. Воспит. Дома. 1821. 8⁰. 19 стр.

14. *Рыбаки*, идиллія. Напечат. въ С. О. и особою книжкою. Спб., въ тип. Греча. 1822. 8⁰, 21 стр.

15. *Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ*. Спб., въ тип. Греча. 1825. 8⁰.

Другія его сочиненія и переводы, прозою и стихами, напечатаны въ журналахъ: Сынъ Отечества, Соревнователь Просвѣщенія, Вѣстникъ Европы и пр. період. изданіяхъ и альманахахъ.

ОФИЦІАЛЬНОЕ ПИСЬМО ГНѢДИЧА КЪ ОЛЕНИНУ.

Его превосходительству г. директору Императорской Публичной Библіотеки, тайному совѣтнику, Совѣта Государственнаго члену и разныхъ орденовъ кавалеру. Отъ библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки, статскаго совѣтника и кавалера Н. Гнѣдича.

Имѣвъ честь получить предписаніе вашего превосходительства отъ прошлаго апрѣля 21-го дня за № 125 съ приложеніемъ списка съ указа о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи меня чиномъ статскаго совѣтника, я вслѣдствіе онаго относился къ г. Одесскому градоначальнику о приведеніи меня къ присягѣ на упомянутый чинъ, приложивъ при отношеніи моемъ въ подлинникѣ какъ предписаніе вашего превосходительства, такъ и списокъ съ указа. Вслѣдствіе предложенія г. градоначальника Одесскому Коммерческому Суду, я въ полномъ присутствіи онаго принялъ присягу сего іюня 15-го дня и получилъ обратно упомянутыя бумаги.

Второе предписаніе вашего превосходительства отъ 7-го іюня за № 227, о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи мнѣ ордена Св. Анны 2-й степени съ алмазными украшеніями, съ приложеніемъ грамоты на означенный орденъ, я равно имѣлъ честь получить. Донося о семъ вашему превосходительству, приношу глубочайшую душевную благодарность за поздравленіе меня съ сими монаршими милостями, за которыя, не могу того не чувствовать, обязанъ я болѣе начальнической благосклонности вашего превосходительства, чѣмъ слабымъ моимъ заслугамъ. Чувствованіе сіе запечатлѣваю на вѣки въ сердцѣ моемъ.

Статскій совѣтникъ и кавалеръ Николай Гнѣдичъ.

20-го іюня 1828 года.
Одесса.

Въ прошеніи объ отставкѣ, отъ 26-го апрѣля 1830 г., Гнѣдичъ, между прочимъ, пишетъ:..... «Кромѣ сего, исполнялъ порученія начальства, возлагаемыя на меня сверхъ обязанностей библіотекаря: писалъ сочиненія какъ для публичнаго открытія Императорской Библіотеки, такъ и для всѣхъ почти бывшихъ въ ней торжественныхъ собраній. Сочиненія сіи относилися сколько къ предмету собраній, столько и къ безсмертной славѣ миротворца Европы, Императора Александра; и одно изъ нихъ, удостоенное вниманія отъ блаженной памяти Императрицы Маріи Θеодоровны, имѣлъ я счастіе читать Государынѣ въ присутствіи нынѣ славно царствующаго Государя Императора. По напечатаніи, все изданіе онаго пожертвовалъ въ пользу Женскаго Патріотическаго Общества, находившагося подъ покровительствомъ блаженной памяти Императрицы Елизаветы Алексѣевны»....

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Н. И. ГНѢДИЧА.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Н. И. ГНѢДИЧА.

I.

Отъ Карицкихъ, сестеръ Гнѣдича.

Дарагой мой братѣчку,

Николай Ивановичъ!

Увидомляю тебе, братѣчку, что уже и въ насъ вишни удаляются до таво году, а теперъ я думаю, что и у васъ, въ Москвѣ, (ихъ) теперъ довольно; а ми хотѣли (было послать вишень) зчрезъ сево ямщика, но онъ сказалъ не довезу. А тольки ви наслаждайтесь однимъ лѣтомъ, та подумайте, что лѣтомъ буваютъ вишни, а у васъ ихъ мало. Та пиши, братику, особливие письма исъ братомъ В. А., а ежели вамъ на почту и дорого будеть, такъ хотя чрезъ оказія: пиши что тѣби угодно, я не буду взисковать, теби можно всѩ̂ писать, ибо ти мнѣ братъ. Теби остаюсь доброжелательная сестра

Настасья Карицки(хъ).

Здраствуй, милой мой братѣку Миколочко. Прошу тебе ще мій севенькій голубчику, коли Володя полинится описате за коронацію, то ти напиши, а я вже тобѣ пришлю за те жуварель щобъ с тобою на трегелдии танцувавъ кадрель: то-то удивишь всѣхъ. Ти вжи, брате, почавъ трагелдіи представлять: я слишала, що якъ би с тобою бувъ вмѣстѣ Онюня та я, думаю, що чи встояла бъ и Москва на мѣстѣ. О, Миколо брате, ми часто тебе сгадуемо, що яки ви було комедіи изъ Онюнію представляете: «Глянь, брате, що то за новинка, баця въ баби привязалась дитинка». Може сюго и забули, вже коли-то ми ще дождемо сюго: уже якъ попріѣзжаете оттудова, то не таки будете представлять. Прощай, Миколочко, да сдѣлай милость пиши, не лѣнись: да що смѣшне — напеше, якѣ ти тамъ трагельдіи представляешь. Та особливо пиши жъ, не въ батюшкиномъ письмѣ. Ми вчора бачились изъ Галію Ивановною. Ну, прощай, милой мой, виполни мою просьбу, увѣдомь обо всемъ и ко мнѣ пиши: что угодно тебѣ, объ чомъ и тебя увѣдомлять, то съ удовольствіемъ буду. Засемъ цалую тебя мисленно всегда и желаю тебѣ буть здоровому, веселому, и хорошо учиться, съ коимъ желаніемъ остаюсь навсегда искренно любящая сестра

Марья Карицкихъ.

Попроси, братѣку, отъ мене Володю, щобъ сдѣлавъ на мое имя печатку и щобъ немедлинно прислалъ, ибо я въ оной превилику нуждуньку имѣю; що стóятимитъ денегъ за нею заплатить, то пусть увѣдомить меня: я деньги пришлю. Прощайте. Ещо, братья, живить собѣ хорошенько, мирненько, то будетъ вамъ отъ Бога и одъ людей гараздъ. Поцилуйтеся-жъ у двохъ за мене: ти Володю за мене поцалуй, и вѣнъ тебѣ, та мѣцно, глядѣть, целуйтесь, щобъ и я чула.

Глядѣтежъ, Миколо, не побийтесь за письма, щобъ ви ще не здумали съ дрюками по Москвѣ гониться за письма.

II.

Отъ Марьи Хомутовой.

Милостивый Государь, Николай Ивановичъ!

Благодарю Васъ за письмо, которое я имѣла удовольствіе получить. Вы не повѣрите, сколько я чувствовала въ душѣ моей удовольствія, читая его; нѣсколько разъ перечитывала. Пишете, что я хотѣла уязвить Васъ, благодаря за дружбу, и Вы въ добромъ моемъ сердцѣ сомнѣваетесь. Я не комплиментъ Вамъ сдѣлала, а благодарность. О, ежели-бъ это было въ деревнѣ, чтобы я имѣла это удовольствіе Васъ видѣть, то-бъ предпочла вашу пріятную бесѣду всякому балу.

Скажу Вамъ о себѣ: я съ тоски умираю. Опишу Вамъ мое положеніе. Сижу дома и никуда почти не выѣзжаю. Домъ мой о два этажа, превеликій; я сижу и живу въ одной маленькой спальнѣ, въ которой расписаны по стѣнамъ деревья, горы, хижины; вверху комнаты изображенъ воздухъ и маленькія облака и птицы летающія представлены. Я сижу на черномъ кожаномъ диванѣ, съ утра и вечеръ вяжу шнурки. Читаю книги, часто плачу, задумываюсь, а по парадным комнатамъ прохожу разъ въ день, когда обѣдаю. Бываютъ гости: и тѣ тяготятъ. Нѣтъ тѣхъ милыхъ душѣ моей, которые были въ Петербургѣ.

Говорите Вы, чтобъ выпили чашку налитаго мною чаю: какой-бы постаралась Вамъ въ деревнѣ приготовить чай—Вы подлинно бы похвалили.

Вы философъ, а льстить умѣсте. Говорите: ежели-бъ одинъ вечеръ, проведенный съ нами — былъ-бы для Васъ пріятенъ. Я не вѣрю, чтобы Вы не нашли въ Петербургѣ такъ же любезныхъ, съ которыми бы пріятно вели время.

Скажу Вамъ: я не смѣла къ Вамъ писать, (и теперь) пишу къ сочинителю вздорное письмо, а только искренное, (хоть и) безъ связи.

Ношу всякій день вашъ подарокъ, который я выпросила у Васъ въ медальонъ: какъ встаю поутру и этотъ медальончикъ надѣваю.

Прощайте. Я много глупостей написала, но пріятна мнѣ съ Вами переписка. Отъ истиннаго сердца желаю, чтобы Вы были счастливы и душевно покойны. Поздравляю Васъ съ наступающимъ новымъ годомъ.

Покорная слуга Марья Хомутова.

1803 году, декабря 20 числа.

III.

Отъ Андрея Чеботарева.

Пять писемъ писалъ я къ Николаю Ивановичу и ни на одно не получилъ отвѣта! Но такъ и быть, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!—Ради Бога! Увѣдомь поскорѣе живъ ли, здоровъ ли Михайло Никитичъ[1]? Ахъ, какъ ужасно испугали! Обстоятельнѣе буду писать по слѣдующей почтѣ; надо быть на моемъ мѣстѣ, чтобы чувствовать всю грусть и тоску, въ какую теперь погруженъ весь Университетъ. Отвѣчай, сдѣлай милость, немедленно. Отвѣчай, ради Бога, чѣмъ крайне одолжишь всѣхъ насъ, а въ особенности почитавшаго Гнѣдича своимъ другомъ

Андрея Чеботарева.

26 ноября.

IV.

Къ Батюшкову.

Послѣ свиданія моего съ Блудовымъ, которое имѣлъ я недавно, поелику полтора мѣсяца ужасный ревматизмъ приковывалъ меня къ постели; а еще болѣе послѣ свиданія съ докторомъ Гамелемъ я не могъ преодолѣть желанія писать къ тебѣ, или, лучше сказать, говорить съ тобою, любезный другъ Константинъ Николаевичъ. Вѣсти, о тебѣ услышанныя, освѣжили въ душѣ

---

[1] Муравьевъ (1757 — 1807).

моей чувства, какія издавна я питалъ къ тебѣ; и они должны быть не слабы, когда и въ такомъ долгомъ безмолвіи до сихъ поръ не увяли. Я не могъ остаться равнодушнымъ къ поэтическимъ обстоятельствамъ сердца твоего. Давно не слыша живаго, роднаго голоса, оно, кажется, омрачилось, составило себѣ мечты, не совсѣмъ счастливыя, не совсѣмъ сообразныя съ свѣтлымъ небомъ Италіи. Какъ я узнаю́ тебя и въ отдаленіи! Но можетъ быть голосъ человѣка, отъ котораго никогда не слыхалъ ты лести, пробудитъ довѣренность въ твоемъ сердцѣ, сгонитъ съ него туманъ смутныхъ сновъ, освѣтитъ и согрѣетъ его истиною. По-крайней мѣрѣ я такъ сужу по себѣ. Н. М. Карамзинъ, съ которымъ я часто говорю о тебѣ, одобрилъ мое намѣреніе; и вотъ я пишу къ тебѣ; ты услышишь голосъ нечуждый для слуха. Вокругъ тебя глубокое молчаніе о всемъ, что касается до словесности нашей, безъ сомнѣнія тебѣ любезной: можетъ быть голосъ сей дойдетъ къ сердцу твоему; и если дружба моя будетъ такъ дѣйствительна, какъ искренна, можетъ быть, онъ не останется безъ могущества.

Я не защищаю издателей Сына Отечества, которые безъ твоего согласія употребили твое имя; не одобряю, что стихи Плетнева Воейковъ напечаталъ [1], противу желанія автора, безъ его имени; но которыхъ впрочемъ здѣсь никто, изъ имѣющихъ здравый смыслъ, за твои не принялъ. Ты справедливо могъ быть недоволенъ и тѣмъ и другимъ поступкомъ Воейкова; ибо Гречъ ни того, ни другаго никогда бы не сдѣлалъ. Но неудовольствіе твое, увѣренъ я, ограничилось бы диемъ, еслибъ тебѣ или собственныя мечты, или посторонніе разсказы не представили изъ этой бездѣлки — дѣла. Зная твою чувствительность, вѣрю раздраженію, до котораго дошла она, вѣрю съ грустію огорченію твоему со всѣми нервными его припадками. Но скажу какъ Не-

---

[1] Рѣчь идетъ о стихотвореніи Плетнева: «Б.....въ изъ Рима (Элегія)», напечатанномъ безъ подписи имени автора въ *Сынъ Отечества* 1821, № 8 (ч. LXVIII). См. *Сочиненія Плетнева*, т. III, стр. 250.

сторъ: выслушай меня старѣйшаго. Будемъ говорить не въ защиту Сына Отечества, а въ защиту истины.

Издатели хвалятся именемъ твоимъ, объявляютъ, что и ты обѣщаешь украшать журналъ своими произведеніями. Чтожъ тутъ непріязненнаго, оскорбительнаго имени твоему? Неужли читатель по истеченіи года, не видя въ Сынѣ Отечества ни одного изъ твоихъ произведеній, станетъ думать, что именно ты его обманываешь? Любезный другъ, нашъ читатель, можетъ быть, болѣе каждаго изъ европейскихъ ознакомленъ журналистами съ ихъ Парнасскою стратегикою; наши журналисты не имѣютъ никакихъ постороннихъ политическихъ видовъ, кромѣ своихъ домашнихъ — *экономическихъ.* Издатель плутъ! скажетъ читатель, усмѣхнувшись; на счетъ имени Батюшкова онъ добываетъ лишнюю сотню. Вотъ, мой другъ, тайна объявленія журнальнаго, вотъ *злокозненность* намѣренія.

Плетневъ молодой человѣкъ съ дарованіемъ и, безъ сомнѣнія, съ прекрасною душою; ибо онъ страстно любитъ твои произведенія, знаетъ ихъ наизусть; Плетневъ, обожатель твой, написалъ стихи, въ которыхъ заставляетъ говорить лице твое (хорошими, или дурными стихами, отвѣчаетъ его лице), но съ намѣреніемъ невиннымъ, съ побужденіемъ достойнымъ уваженія, отъ любви именно къ лицу твоему, простирающейся въ немъ до энтузіазма; однакожъ и въ этомъ тебѣ представился, или представленъ какой-то недобрый, черный умыселъ. Надобно, чтобъ минута, въ которую это происходило, была въ самомъ дѣлѣ черная, когда столь невинное сердца чувствительнаго и доброжелательнаго намѣреніе такъ обезображено для твоего понятія. Этого мало: какъ слышу я, ты даже питаешь мрачныя мысли, что въ Россіи есть люди дышащіе противу тебя ненавистію, что они готовы терзать и унчижить произведенія твои. И такъ думаетъ Батюшковъ! единственный счастливецъ, до котораго критика съ перваго шагу его на литературное поприще коснуться не смѣла, поэтъ, который на челѣ своемъ носитъ всѣ знаменія любви Аполлоновой, который съ юности началъ пріобрѣтать и въ молодости снискалъ

то, что другіе покупаютъ цѣлою жизнію, общее уваженіе, общее признаніе его прекраснаго таланта, его заслугъ литературныхъ; и гдѣ же все это?—Въ Россіи, гдѣ вниманіе преклоняется или богатствомъ или знаменитостью, или крикомъ толпы, а рѣдко достоинствомъ заслуги безмолвной. И этотъ писатель подозрѣваетъ, негодуетъ, жалуется. Пусть, говоришь ты, книгу мою грызутъ и раздираютъ, но имя мое оставятъ въ покоѣ. Злодѣй! зачѣмъ же ты книгу эту сдѣлалъ столько любезною, что напримѣръ въ Публичной Библіотекѣ отъ безпрерывнаго употребленія она въ самомъ дѣлѣ изодрана, засалена, какъ молитвенникъ богомольнаго дѣда, доставшійся въ наслѣдство внуку. Могу увѣрить тебя, что здѣсь вѣрно нѣтъ читателя, который бы не поставилъ себѣ въ честь цѣловать полу твоего платья. Что до имени твоего, неужели безпокоитъ его то, что нищіе во имя сіе выпрашиваютъ хлѣба?

Мой другъ, Константинъ! Въ отдаленности я узнаю тебя лучше; отдаленіе ставитъ друзей въ разстояніи, на которомъ можно лучше ихъ видѣть. Всѣ дары во власти судьбы, кромѣ одного:

Det salutem, det opes, animum aequum tibi ipse parabis.

Пріѣзжай въ Россію и ты увидишь, что я ничего тебѣ не сказалъ, кромѣ истины, пріѣзжай; изданіе твоихъ сочиненій на исходѣ. Грѣхъ тебѣ, если въ продолженіе столь долгаго времени ты оставлялъ въ бездѣйствіи Генія твоего. Дай мнѣ на счетъ его прожить еще нѣсколько годовъ, приготовь новое, умноженное изданіе. Впрочемъ, если репутація писателя имѣетъ свои прелести, ты можешь наслаждаться до пресыщенія благомъ симъ и прежде тобою пріобрѣтеннымъ. Но спѣши наслаждаться, пока въ состояніи чувствовать; или состарѣвшись ты отравишь наслажденіе свое сожалѣніемъ, что не пользовался имъ въ пору.

Dixi. Пусть письмо мое похоже на рапсодію; нѣтъ нужды; писавъ къ тебѣ, я не думалъ о слогѣ, фразахъ и прочихъ претензіяхъ авторскихъ; я писалъ къ другу. Будешь ты отвѣчать

на письмо, или нѣтъ; если даже оставишь его, какъ будто я не писалъ тебѣ, для меня все равно; я сложилъ съ сердца, что̀ его тяготило. Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что при видѣ этого письма ты отдашь мнѣ справедливость и скажешь: Долгое молчаніе совмѣстно съ чувствами дружбы и почтенія.

Николай Гнѣдичъ.

С.-Петербургъ.
20 Ноября 1821 года.

Письма къ М. Е. Лобанову.

V.

Снабдите меня, любезные друзья, табакеркою русскаго табаку, на погибель мухамъ, которыя кажется со всего Аптекарскаго острова ко мнѣ слетѣлися.—Нельзя ли также купить у васъ въ деревнѣ свѣжихъ яицъ дешевле 80, какъ здѣсь съ меня просятъ; если же и у васъ та же цѣна, то и не надо.

Были ли вы, Михайло Евстафьевичъ, въ Комитетѣ Театральномъ, который самъ себя дурачитъ?

Вашъ весь Н. Г.

VI.

Любезный другъ Михайло Евстафьевичъ!

Я жестоко мистифированъ, между нами будь сказано. Мнѣ отказана выдача впередъ денегъ; и я сѣлъ, какъ ракъ на мели. Въ ложной надеждѣ сдѣлалъ операціи денежныя, отъ какихъ удержался бы, и не разстроилъ бы себя. Для Бога помогите! Но какъ дружба не должна заставлять переносить убытки, то я прошу васъ усердно, возьмите изъ Ломбарда 4 тыс. и ссудите меня на годъ, съ полученіемъ отъ меня тѣхъ же процентовъ, а капиталъ, если угодно, можете получить по третямъ отъ Степана Васильевича, который, по довѣренности моей, будетъ получать мой пен-

сіонъ и жалованье по Совѣту изъ Казначейства. — Если это можно и сдѣлаете въ понедѣльникъ — обяжете сильною благодарностію

Вашего Н. Гнѣдича.

Авг. 5 (1827).

(Приписка Лобанова).

Когда всѣ отказали, и родственники и знатные (такъ называемые превосходительные друзья), пособить въ крайней нуждѣ Н. И. Гнѣдичу, ибо онъ приговоренъ уже былъ къ близкой смерти, бѣдный другъ его Лобановъ ссудилъ его четырьмя тысячами, на которые онъ и поѣхалъ въ Одессу.

VII.

Ноября 21 1827. Одесса.
(Получено 1-го декабря).

Еслибъ вы жили когда нибудь въ разлукѣ съ друзьями, вы чувствовали бы чего вы лишаете меня, скупяся на письма.— Пожалуста доставьте прилагаемое письмо графу — но не замедля, пока Воронцовъ не уѣхалъ изъ Петербурга.—Здѣсь суровая зима и здоровье мое портится. Поклонитесь Александрѣ Антоновнѣ [1] и будьте счастливы. Обнимаю васъ.

Н. Г.

VIII.

Одесса. Декабря 16. 1827.

Благодарю васъ, любезный Михайло Евстафьевичъ, за присылку платья и теплыхъ носковъ; они не застали быстрой зимы Одесской, однако для меня, больнаго, не лишнія. Лихорадка опять немного потрепала меня, больше отъ того, что отвыкъ отъ воздуха: ибо нѣтъ совершенно ни выхода, ни выѣзда отъ грязи невѣроятной. Поздравляю васъ съ наступающими праздниками и новымъ годомъ. Встрѣчайте и проводите его съ любезною Але-

[1] Первая жена Лобанова, рожд. Бароцци.

ксандрою Антоновною весело, будьте здоровы и счастливы; обнимаю васъ.

Н. Гнѣдичъ.

P. S. При свиданіи поклонитеся Н. И. Гречу и поздравьте его съ окончаніемъ подвига достославнаго. Граматика его есть уже въ Одессѣ, въ рукахъ Стурзы Монархическаго.

IX.

Весьма много благодаренъ, что не забыли просьбы моей. Но цѣна эта, по безденежью, для меня высока. Если это вашъ знакомый часовщикъ — я желалъ бы предложить ему мои карманные часы и условія, на которыхъ отдаю свои и беру присланные вами, если только вашъ часовщикъ удостовѣритъ, что они надежны. Нельзя ли ему съ этими часами побывать у меня? Каждое утро до 12 часовъ, а вечеромъ съ 6 часовъ.

Другая просьба: Нѣкто проситъ у меня рекомендательнаго письма къ Димитрію Максимовичу Княжевичу. Этого *нѣкто* я зналъ лѣтъ 20 назадъ, какъ честнаго человѣка. Но въ теперешнемъ его положеніи не знаю; а не зная, лучше говорить о человѣкѣ хорошо. Впрочемъ Димитрію Максимовичу онъ сколько нибудь долженъ быть извѣстенъ, какъ оберъ-форстмейстеръ въ Тулѣ.

Дѣло въ томъ, чтобъ Димитрій Максимовичъ не принималъ письма моего за чистыя деньги, а только просто, какъ письмо для входа къ нему. Сдѣлайте одолженіе, сегодня или завтра, предварите его объ этомъ: ибо въ понедѣльникъ податель письма будетъ у него.

Здоровье мое все въ одномъ положеніи. Обнимаю васъ.

Н. Г.

X.

Отъ Татаринова къ Пономареву.

Павловское, 29 іюля 1815.

Извините меня, Милостивый Государь, Акимъ Ивановичъ, что безпокою васъ просьбою моею. Короткое ваше знакомство съ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ подаетъ мнѣ надежду, что вы не сочтете въ большой трудъ исполнить оную: спросите у него только, написалъ ли онъ что-нибудь въ бытность свою въ Павловскомъ въ памятной книжкѣ, которая въ Розовомъ Павильонѣ лежитъ, и какіе именно стихи [1]? Не дивитесь моему любопытству, оно не мое: Государыня, не знаю по какому случаю, узнавъ, что Николай Ивановичъ былъ въ Павловскомъ, полагаетъ, что онъ долженъ оставить по себѣ память въ знакъ своего посѣщенія. Третьяго дня, ужинавъ въ фермѣ, перерыла всѣ книжки, но ничего не нашла; вчера то же было въ Розовомъ Павильонѣ. — Нелединскій показывалъ Ей какіе-то стихи, Она изволила ихъ читать; стихи сіи, говорятъ, прекрасны и по сему приписываютъ Н. И. — Я не думаю, чтобы Н. И. захотѣлъ скромничать, ибо хуже будетъ, ежели дурные стихи ему припишутъ. — Прошу по-

---

[1] Во всѣхъ изданіяхъ стихотвореній Гнѣдича къ пьесѣ: «Для Розоваго Павильона въ Павловскѣ (1814)» сдѣлано слѣдующее примѣчаніе поэта:

«Императрица Марія Θеодоровна, при случайномъ проѣздѣ моемъ чрезъ Павловскъ, изволила спрашивать, оставлены ли мною какіе-либо стихи въ Розовомъ Павильонѣ».

Изъ письма Татаринова оказывается, что стихотвореніе должно относиться къ 1815 году; самыя подробности происхожденія стиховъ не лишены интереса.

корнѣйше не оставить меня безъ увѣдомленія вашего о семъ случаѣ.

Пребывающій съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію,

вашъ покорнѣйшій слуга

П. Татариновъ.

Прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать мое почтеніе милостивому государю Дмитрію Прокофьевичу[1] и милостивой государынѣ Софьѣ Дмитріевнѣ[2].

---

[1] Позняку.

[2] Извѣстной Пономаревой, принадлежавшей къ лучшему литературному кругу того времени: многіе изъ тогдашнихъ поэтовъ посвящали ей стихи.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
3	Въ 4-мъ стихѣ: міръ	миръ
—	Въ 12-мъ стихѣ: поддержытъ	поддержитъ